

4

ТЕЛЕКС

Т
Е
Л
Е
К
С

4

С ПОЗИЦИИ СИЛЫ

**Почему Запад, желая мира, вынужден
готовиться к войне**

1982

ОГЛАВЛЕНИЕ

Рональд Рейган — Ядерная стратегия в отношениях с Советским Союзом	3
Карл Кайзер, Георг Лебер, Алоис Мертес, Франц-Йозеф Шульце — Ядерное оружие и сохранение мира	18
Владимир Буковский — Пацифисты против мира	32
Ричард Д. Андерсен-младший — СССР и Польша: как принимаются решения в Москве	59
Уильям Г. Хейланд — Кто кого: борьба за власть в Кремле	87

Редактор А. СЕРЕБРЕННИКОВ

Copyright © 1982 by Telex

Рональд Рейган

ЯДЕРНАЯ СТРАТЕГИЯ В ОТНОШЕНИЯХ С СОВЕТСКИМ СОЮЗОМ

**Выступление президента США Рональда Рейгана
по американскому телевидению 22 ноября 1982 года**

Чуть больше недели назад, в Вашингтоне, произошло волнующее событие*. Ветераны Вьетнамской войны раз и навсегда вошли в сердце Америки. Им оказали радушный прием, их приветствовали со слезами, с чувством гордости. Тем, кто пожертвовал своей жизнью, воздвигнут монумент. Имена погибших – подобно именам величайших граждан нашей Республики – выгравированы на камне в этом городе, городе, который дорог нам всем. Позвольте же, от имени всей страны, еще раз поблагодарить ветеранов Вьетнамской войны, поблагодарить от всего сердца за их отважную службу Америке.

Я знаю, что молодые матери, наблюдавшие за чествованием ветеранов, должны быть обеспокоены судьбами своих детей, судьбами мира. Поэтому сегодня я хотел бы сказать вам о будущем наших детей, живущих в мире, встревоженном накоплением ядерного оружия.

---

* 11 ноября 1982 года в общеамериканский День ветерана, открыт Мемориал памяти жертв Вьетнамской войны. В этот день в столице состоялась демонстрация ветеранов, которую приветствовали десятки тысяч американцев.

Год назад я говорил: наступило время сдвинуть с мертвой точки контроль над вооружением. Я выделил несколько предложений и сказал, что нет ничего более важного для американского правительства, чем добиться претворения в жизнь этих предложений. Сегодня, год спустя, я хочу сообщить вам об этих предложениях. Я также хочу рассказать об усилиях, предпринятых нами для обеспечения светлого будущего наших детей.

Самые важные проблемы нашего времени — это предотвращение войны и сокращение вооружений. Тем не менее, нет других проблем, повлекших за собой столько недоразумений и неправильных толкований, как эти. Американский народ заслуживает, чтобы его правительство разъяснило свою позицию по этим проблемам. Ведь очень часто эксперты довольствуются обсуждением друг с другом грандиозных стратегических вопросов, а стоит делу дойти до публичных дебатов, как никто не может понять, что же скрывается за дымовой завесой специальной терминологии. И как результат — многие американцы попросту запуганы, и их страх перед неопределенностью совершенно понятен. Большая часть информации, всплывающей во время дебатов, имеет, к сожалению, мало общего с подлинными фактами.

Позвольте начать мне со времени окончания Второй мировой войны. Тогда Соединенные Штаты были единственной промышленной страной, которая не подверглась разрушениям. Да и наша военная мощь была в зените, мы одни владели атомным оружием. Но разве использовали мы свою мощь и свое богатство для запугивания? Нет, мы использовали их для созидания. Мы подняли из пепла разрушенные войной страны, в том числе и страны, сражавшиеся против нас.

В те годы никто не угрожал безопасности мира: реальная сила была у нас, мы же использовали ее на благо людей. Наш потенциальный враг решиться на агрессию не мог, потому что цена агрессии намного превзошла бы возможный выигрыш.

Шли годы — Советский Союз накапливал силы, мы пеклись о безопасности мира. Мы создали систему союзов, в основе которой был Северо-атлантический союз (НАТО). Будучи мировым лидером с сильной экономикой и глубоко укоренившимися моральными ценностями, мы завоевали еще большее уважение. Мы взяли на себя обязательство оказывать помощь в строительстве лучшего мира и для достижения

этой цели использовали все средства, включая дипломатические каналы.

После Второй мировой войны, в течение, по крайней мере, 30 лет, Соединенные Штаты обладали ощутимым военным превосходством над Советским союзом. Наша сила защищала нас, предотвращала агрессию против нас. А наша военная политика всегда заключалась в том, чтобы, предотвращая войну, укреплять мир. Это — политика не только демократической партии или республиканской, это — политика страны, и ее поддерживают наши союзники. Важно подчеркнуть, что вот уже почти сорок лет такая политика себя оправдывает.

Наша военная политика основана на ядерном сдерживании. Объясню, что это значит. Нам не нужно оружие ради оружия. Не нужны нам и чрезмерные силы, или, как говорят некоторые, избыточная мощь. Но печальная ирония нашего времени заключается в том, что для предотвращения войны требуется оружие. Я хотел бы, чтобы оно для этого не требовалось.

Мы хотим мира, но прочный мир, которого мы надеемся достигнуть, — это цель, а не политика. Какие же усилия мы должны предпринять, чтобы достигнуть мира, каким путем нам следует идти к нему? Есть две параллельные дороги, ведущие к миру, — сокращение вооружений и сдерживание. Я считаю, что только эти дороги представляют реальную надежду для прочного мира, и я намерен идти ими.

Я верю, что если мы последуем благоразумной политике, риск ядерной войны сократится. Вне всякого сомнения, Соединенные Штаты используют свою силу только лишь в ответ на агрессию. Многие годы советские руководители также выражали трезвый взгляд на ядерную войну, и маловероятно, чтобы они начали нападение, если Соединенные Штаты будут располагать мощными средствами сдерживания.

Политика сдерживания прошла испытание временем. Есть, однако, мероприятия, которые должны быть осуществлены, чтобы и впредь проводить эту политику.

Вы часто слышите, что Соединенные Штаты и Советский Союз участвуют в гонке вооружений. Истина же в том, что Советский Союз участвует в гонке, а мы нет.

На этой таблице вы можете увидеть, что в 60-е годы наши военные расходы росли — как следствие войны во Вьетнаме. В семидесятые же годы они резко пошли вниз.

Теперь посмотрите на военные расходы Советского Союза. Они растут, растут и растут. Несмотря на то, что советская экономика находится в состоянии застоя, руководители СССР вкладывают в военные расходы от 12 до 14 процентов валового национального дохода — в два-три раза больше, чем мы.

Я могу добавить, что доля расходов на оборону из нашего федерального бюджета также снижается, о чем свидетельствует эта таблица*.

В 1962 году, когда президентом был Джон Кеннеди, на нужды национальной обороны шло 46%, то есть почти половина федерального бюджета. В последние же годы на нужды обороны идет около четверти нашего бюджета, а вот расходы на программы социального обеспечения почти удвоились. Следует отметить, что большая часть нашего военного бюджета расходуется не на вооружение, а на оплату военнослужащих.

* Федеральный бюджет США коренным образом отличается от государственного бюджета СССР. В отличие от советского бюджета, охватывающего всю экономику страны, американский федеральный бюджет оперирует только деньгами, которые имеются в распоряжении правительства США. Никакого отношения к этому бюджету не имеют бюджеты штатные, городские и, естественно, бюджеты частных компаний, банков. Это необходимо учитывать, когда речь идет о долях и процентах федерального бюджета США.

Увеличение военных расходов в Советском Союзе и сокращение их в США — вот что изменило соотношение и ослабило нашу возможность в проведении политики сдерживания. Сегодня в каждой области вооружений Советский Союз фактически обладает решающим превосходством.

Эта таблица показывает количественные изменения в такой области вооружений как межконтинентальные ракеты и бомбардировщики.

В 1962 и 1972 годах Соединенные Штаты и Советский Союз располагали примерно одним и тем же числом таких ра-

кет и бомбардировщиков. К 1982 году у нас их стало даже чуть меньше.

Иная картина в Советском Союзе. В 1962 году, во время кубинского кризиса, он не мог сравниться с нами. В 1972 году, когда наши страны подписали договор ОСВ-1, мы были почти равны. А в 1982? Посмотрите на таблицу, и она расскажет, что произошло.

Я могу вам показывать таблицу за таблицей, и все они проиллюстрируют рост советской мощи и сокращение американской. Например, Советский Союз установил на суше на треть больше межконтинентальных баллистических ракет, чем есть у нас. Еще в 1965 году мы прекратили производство таких ракет и с тех пор ни одной не установили.

За последние 15 лет Советский Союз добавил к своему флоту 60 новых подводных лодок, оснащенных баллистическими ракетами. А Соединенные Штаты? До прошлого года — за этот же период — мы не выпустили ни одной такой подлодки.

Советский Союз построил более двухсот современных бомбардировщиков, известных на Западе под названием "Бэкфайер". Он строит их по 30 в год. А вот Соединенные Штаты не построили в течение двадцати лет ни одного нового стратегического бомбардировщика. Многие наши бомбардировщики Б-52 старше, чем пилоты, которые на них летают.

Советский Союз установил на суше 600 ракет среднего радиуса действия. Соединенные Штаты вывезли подобные ракеты из Европы почти 20 лет назад. Следует отметить, что как США, так и СССР, считают ракеты среднего радиуса действия самым грозным оружием.

Мы также являемся свидетелями беспрецедентного роста обычных видов вооружения в Советском Союзе. СССР намного превосходит нас по числу танков, артиллерийских орудий, самолетов и военных судов. Обычные виды вооружения производятся там непрерывно, из года в год. А вот когда я пришел в Белый Дом, то узнал, что у нас на вооружении есть самолеты, которые не могут летать, и суда, которые не могут покинуть гавань. Причина — отсутствие запасных частей и некомплектованность экипажей.

Рост советской военной машины нельзя игнорировать. Мы изучили эту проблему и совместно с нашими союзниками начали исправлять создавшееся несоответствие. Посмотрите

на таблицу, которая показывает запроектированные расходы на оборону на несколько ближайших лет.

Обратите внимание на линию, показывающую советские расходы. Мы исходим из предположения, что рост советских затрат останется на том же уровне, каким он был с 60-х годов.

Посмотрите на линию Соединенных Штатов. Если мои предложения по расходам на оборону будут приняты, потребуется еще пять лет, прежде чем мы подойдем близко к советскому уровню. Модернизация нашего стратегического вооружения и обычных видов вооружения будет гарантией сдерживания и мира.

Имеющееся сегодня в нашем распоряжении ядерное оружие было построено до эры микрокомпьютеров. Это уста-

ревшее оружие. Поэтому несправедливо просить работать на нем наших юношей и девушек, одетых в военную форму. Многие из них уже расстались с жизнью в катастрофах, причины которых — отжившее свой век оборудование. Мы должны заменить старое новым, мы должны модернизировать наши вооруженные силы. Вот поэтому-то я и решил приступить к производству и установке новых межконтинентальных баллистических ракет МХ.

Над совершенствованием этой ракеты работы велись при трех президентах до меня. Пользуясь наиболее авторитетными советами, я пришел к выводу: МХ — это именно та ракета, которая нужна нам сегодня.

Когда я пришел в Белый Дом, я знал, что существуют разногласия по поводу размещения этих ракет. Разногласия были вызваны тем, что стоимость их высока, а установка угрожала жизни наших граждан.

Я пришел к заключению, однако, что абсолютно необходимо приступить к производству ракеты МХ. Установим же мы эти ракеты в находящихся рядом друг с другом специальных шахтах на военно-воздушной базе Уоррен, недалеко от Чейни (штат Вайоминг). Этот план позволяет установить в два раза меньше ракет, чем прежний план, на площади только в 20 квадратных миль. Новый план — это плод подробных изучений, которые начались, когда я попросил найти самый лучший и дешевый способ размещения ракет. Этот план нуждается в одобрении Конгресса, и я настоятельно советую всем конгрессменам проверить все факты, прежде чем они придут к определенным выводам.

Меня могут спросить: что общего между обеспечением мира и модернизацией нашего вооружения? Я уже объяснял, что лишь надежная сила гарантирует нас от агрессии и позволяет, следовательно, сохранять мир. И вот что еще важно: наша сила увеличит возможность достижения соглашения о сокращении вооружений с Советским Союзом. А это-то как раз то, чего мы действительно хотим. Соединенные Штаты действительно хотят, чтобы мировые арсеналы были намного сокращены. Но пока мы не продемонстрируем желания укреплять наши военные силы и восстановить военный баланс в мире, у Советского Союза, далеко опередившего нас, нет особого стимула к переговорам. Я еще раз повторю эту мысль,

поскольку она составляет основу нашей политики. И так: пока мы не продемонстрируем желания укреплять наши военные силы, у Советского Союза нет особого стимула к переговорам. Если мы не приступим к модернизации, советская сторона всегда будет знать: за столом переговоров мы способны лишь на словесные упражнения и с нами не о чем торговаться. Они знают, что, не имея хороших карт, мы можем лишь блефовать. А они знают все наши карты. Впрочем, мы знаем, какие карты у них на руках.

Может быть, вы помните, что в 1969 году Советский Союз не желал вести переговоры о запрещении антибаллистической ракеты. Но стоило Сенату проголосовать за производство такой ракеты, как Советский Союз согласился на переговоры, и тогда мы все же достигли соглашения.

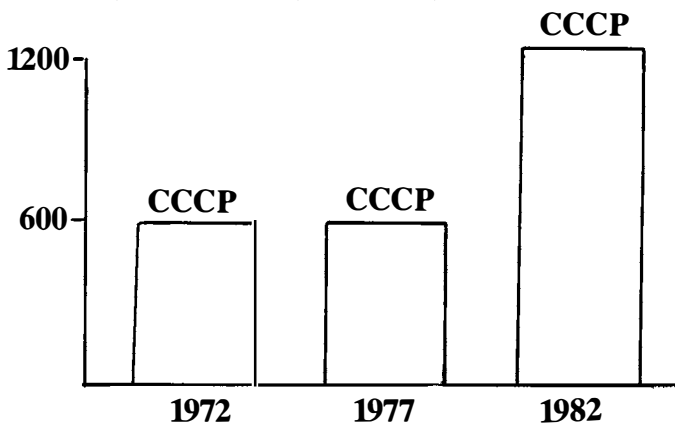
Мы знаем, что односторонний контроль над вооружением не работает. Время от времени мы подавали Советскому Союзу пример, сокращая свои силы. Мы надеялись, что Советский Союз сделает то же самое. Результат же всегда был один — Советский Союз продолжал наращивать вооружения.

И все же я верю: наша стратегия по защите мира принесет плоды. Никогда прежде не выдвигали мы такой, как сейчас, всеобъемлющей программы по контролю над ядерным вооружением. Никогда прежде в нашей истории не вели мы так много, как сейчас, переговоров с Советским Союзом — переговоров о сокращении ядерных вооружений и создания основы прочного мира. Мы говорим советскому руководству: мы будем модернизировать нашу армию, чтобы сохранить равновесие, необходимое для прочного мира. Но, говорим мы, разве не лучше, если наши страны сократят свои арсеналы до уровня меньшего, чем сегодняшней?

Позвольте же мне теперь остановиться на переговорах о ядерных ракетах среднего радиуса действия. Эти переговоры проходят сейчас в Женеве.

Вот таблица. Она показывает число боеголовок на советских ракетах среднего радиуса действия. В 1972 году их было 600. У США — ноль. В 1977 году — 600. У США все еще ноль. Затем Советский Союз приступил к установке мощных ракет СС-20, как их называют на Западе. Это ракета с радиусом действия в тысячи миль, каждая ракета — с тремя боеголовками.

ЧИСЛО БОЕГОЛОВОК НА РАЗМЕЩЕННЫХ НА СУШЕ РАКЕТАХ СРЕДНЕГО РАДИУСА ДЕЙСТВИЯ

Как видно из таблицы, у США все еще нет таких ракет.

Ранее в этом году советские руководители объявили, что они прекратили устанавливать эти страшные ракеты. В действительности же, Советский Союз продолжает их устанавливать. Нацелены они на Европу, Ближний Восток и Азию.

18 ноября прошлого года я предложил всеобщее уничтожение ракет среднего радиуса действия, размещенных на суше. Я предложил, что Соединенные Штаты не установят ракет, сравнимых с советскими, если Советский Союз демонтирует свои ракеты. Размещение таких ракет мы планировали начать в конце 1983 года.

Нашу инициативу решительно поддержали европейские правительства. А Советский Союз до сих пор не проявил никакого желания сделать шаг нам навстречу. Я, тем не менее, все еще верю и надеюсь, что переговоры продолжатся. Я надеюсь, что советские лидеры увидят преимущества долгосрочного соглашения еще до того времени, на которое мы наметили установку своих систем.

Минувшим летом мы начали также переговоры о сокращении стратегического вооружения. "СТАРТ" – так назвали мы свои предложения. Они касаются межконтинентальных ракет – оружия с большим радиусом действия, чем то, о котором я только что говорил. В мае я предложил, чтобы каждая сторона сократила число таких ракет до одного уровня – примерно до одной трети нынешнего.

Эта таблица показывает нынешнее число баллистических ракет, установленных Соединенными Штатами и Советским Союзом на земле и на море. Мы намерены убедить СССР, что сокращение числа ракет в его собственных интересах. Посмотрите на таблицу, и вы увидите уровень, до которого мы предлагаем опуститься.

В 1977 году прошлая Администрация предложила более ограниченное сокращение. Советский Союз отказался даже обсуждать наши предложения. На сей же раз реакция советского правительства несколько другая. Она достаточно серьезная. Правда, и теперь СССР не желает резкого сокращения, которое мы предложили, но нет сомнения, что обе стороны

пойдут в правильном направлении.

Одна причина, повлиявшая на изменение позиции Советского Союза, ясна. Он знает, что мы серьезно настроены в отношении нашей собственной стратегической программы. Ему, следовательно, следует быть готовым вести переговоры именно сейчас.

Ведем мы и другие переговоры, связанные с контролем над вооружением.

В Вене, во время переговоров по вопросам взаимного и сбалансированного сокращения сил, мы предложили немного сократить численный состав армий, сократить до равного уровня.

В Женеве, в Комитете по разоружению, в котором участвуют 40 стран, мы работаем над договором об эффективном ограничении испытаний ядерного и химического оружия. Советский Союз и его партнеры используют биологическое и химическое оружие против незащищенных народов Афганистана, Кампучии и Лаоса.

Есть, конечно, и много другого, что следует сделать. В век, когда межконтинентальные ракеты могут обогнуть половину земного шара менее, чем за полчаса, важно, чтобы советские и американские лидеры имели ясное представление о взаимных возможностях и намерениях.

В июне в Берлине и еще раз на специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН по вопросам разоружения я поклялся, что Соединенные Штаты сделают все возможное, чтобы ослабить риск и сократить непонимание и таким образом укрепить взаимное доверие между США и СССР. С тех пор мы активно изучаем меры, которые помогли бы осуществить берлинскую инициативу. Вот некоторые из предложений, изложенных мною в недавнем письме советскому руководству. Я также просил наших делегатов в Женеве обсудить эти предложения с советскими партнерами.

Первое предложение включает взаимное оповещение обо всех испытаниях межконтинентальных баллистических ракет. Мы также стремимся достичь взаимного оповещения об испытаниях ракет среднего радиуса действия, размещенных на суше. И еще мы предложили Советскому Союзу обмениваться информацией о крупных военных учениях.

Эти меры необходимы, чтобы быстро решить срочные вопросы, ведущие к возможным ошибкам во время кризиса. Но существуют и более глубокие проблемы. Для прекращения

взаимных подозрений я предложу, чтобы обе стороны начали широкий обмен основными данными о своих ядерных силах. Я дам инструкцию нашим послам на переговорах о стратегических вооружениях добиваться соглашения с Советским Союзом о расширенном обмене информацией. Чем больше одна сторона знает, что делает другая, тем меньше остается вероятности для взаимных просчетов.

Каждый из вас слышал, вероятно, о так называемой "горячей линии", которая позволяет мне связываться прямо с советским руководством в случае кризиса. Существующая "горячая линия" — надежная и быстрая — обеспечивается как наземными станциями, так и спутниками. Но именно потому, что она очень важна, я распорядился внимательно исследовать любую возможность для улучшения существующей "горячей линии".

Сейчас мы ведем переговоры по многим предложениям. Это, однако, не означает, что не может быть других инициатив, которые могут помочь сократить риск случайного конфликта. Нас не покидает надежда, что остались еще неисследованные пути, и мы будем консультироваться с сенаторами Нанном, Джексоном и Уорнером и другими членами Конгресса, которые уже внесли много важных предложений.

Мы также предпринимаем энергичные усилия, чтобы предотвратить распространение ядерного оружия в других странах. Трагично, если мы добьемся сокращения арсеналов, а нас станут преследовать угрозы в других частях мира.

В самом начале я говорил об американском вкладе в мир после Второй мировой войны и обо всем, что делали мы для обеспечения нашим гражданам мира и процветания. И сегодня мы — все еще тот же самый народ. Мы все еще стремимся к миру.

Я напому нашим гражданам и людям всей земли о традициях американской доброй воли. Я обеспокоен тем, какое воздействие оказывает на наш народ страх перед ядерным оружием.

Наиболее огорчительные письма я получаю от школьников, которые пишут мне по поручению соучеников. Эти письма свидетельствуют о том, что школьники обсуждают в своих классах наиболее кошмарные аспекты ядерной катастрофы. Часто их письма полны страха. Но в детских письмах не должно быть места страху!

Философ Спиноза сказал: "Мир — это добродетель, душевный покой, склонность к благожелательности, доверию, справедливости". И мы хотели бы, чтобы наши дети наследовали именно эти качества, а не страх. Они не должны бояться будущего. Они должны расти уверенными, что смогут бросить вызов завтрашнему дню, как мы бросаем сегодняшнему.

Я начал свое выступление, говоря о наших детях. Я хочу завершить его той же темой. Наши дети не должны расти в страхе, не должны бояться будущего. Мы работаем, чтобы сделать это будущее мирным и свободным. Я верю, что оно может стать более светлым, более интересным, чем у всех предшествующих поколений. Мы должны заверить и убедить детей, что их родители и лидеры всех стран стремятся к тому, чтобы дети жили в безопасности и мире. Я считаю, что это — святая правда.

Мои собратья американцы! В День Благодарения*, когда мы достигли многого, чему должны быть благодарны, позвольте мне выразить особые чувства благодарности нашему миру, нашей свободе, нашему доброму народу. Я всегда считал, что американская земля была сотворена необыкновенно, поскольку Бог отвел этому великому континенту место между двумя океанами, чтобы его могли найти люди со всех концов земли, люди с особым чувством любви к вере, свободе и миру. Я хотел бы вновь подтвердить верность Америки великодушию и доброй воле. Давайте же трудиться для укрепления мира и, поскольку мы делаем это, вспомним строки известного старого гимна: "О, Бог любви! О, Король мира! Сделай так, чтобы прекратились войны во всем мире".

Спасибо, доброй ночи, и да благословит вас Бог!

---

* Р. Рейган выступал накануне Дня Благодарения — национального праздника, который отмечают в последний четверг ноября.

Карл Кайзер
Георг Лебер
Алоис Мертес
Франц-Йозеф Шульце

ЯДЕРНОЕ ОРУЖИЕ И СОХРАНЕНИЕ МИРА

От редакции «Телекса». Эта статья четырех немецких авторов явилась ответом на выступление группы известных американских специалистов по международным делам (тоже четырех), опубликованное в весеннем номере журнала «Форин Аффферс» за 1982 г.* В нем резко критиковалось решение НАТО, принятое в 1979 г.: установить в Западной Европе 572 усовершенствованные американские ракеты среднего радиуса действия, ЕСЛИ Советский Союз откажется демонтировать свои аналогичные ракеты, уже нацеленные на Западную Европу. Это решение получило в прессе название «двойного», альтернативного. Вместе с тем «четыре американских автора» призвали Запад объявить, что он ни при каких условиях не применит ядерное оружие первым.

С момента создания Североатлантического Союза ведутся дискуссии о разработке надлежащей стратегии применения ядерного оружия. Открытое обсуждение этих проблем состав-

---

Karl Kaiser, Georg Leber, Alois Mertes, Franz-Josef Schulze — Nuclear Weapons and the Preservation of Peace. Foreign Affairs, Spring 1982.

Об авторах: **Карл Кайзер** — директор Исследовательского института Западно-германского Общества международных отношений. **Георг Лебер** — социал-демократ, вице-президент Бундестага, бывший министр обороны ФРГ. **Алоис Мертес** — христианский демократ, член Комитета по иностранным делам Бундестага. Генерал в отставке **Франц-Йозеф Шульце** — бывший командующий вооруженными силами НАТО в Европе.

* Статья «Ядерное оружие и Северо-Атлантический Союз» Журнал «Форин Аффферс», весна 1982 г. Авторы: **Макджордж Банди** (бывший помощник президентов Кеннеди и Джонсона по национальной безопасности, профессор Нью-Йоркского университета), **Джордж Кеннан** (бывший посол США в СССР, профессор Принстонского университета), **Роберт Макнамара** (бывший министр обороны США, президент Международного банка развития), **Джерард Смит** (бывший глава делегации США на переговорах с СССР о разоружении, бывший министр ядерной энергетики).

ляет естественную основу этого Союза, состоящего из демократий, отношения между которыми являются отношениями суверенных партнеров. В истории Союза это не первый случай, когда опасность ядерной войны вызывала озабоченность и опасения во всех государствах — членах Союза, хотя в настоящее время эти опасения более выражены, чем когда-либо раньше. К ним необходимо относиться со всей серьезностью. Поставленные вопросы требуют убедительного ответа, т.к. в демократическом обществе политика по вопросам мира и войны должна непрерывно получать законное обоснование.

Когда МакДжордж Банди, Джордж Ф. Кеннан, Роберт С. МакНамара и Джеральд Смит выступили со своим предложением об отказе Запада от применения ядерного оружия в Европе первыми, то сам факт того, что это предложение поступило от уважаемых американских общественно-политических деятелей, имеющих многолетний опыт в политике безопасности и в вопросах Североатлантического Союза, придает ему особый вес. В такой стране, как ФРГ, для которой сохранение мира представляет особый интерес, к их мнению следует отнестись с особой серьезностью, потому что в случае войны ядерное оружие может быть применено прежде всего на ее территории.

Все общественно-политические деятели должны со всей ответственностью рассмотреть вопросы, выдвинутые в предложении этих четырех авторов. Необходимо продумать все поставленные вопросы, а не выделять лишь те идеи, которые подыгрывают озабоченности, проявляемой широкой общественностью. Самым важным является концентрация усилий не только на предупреждение ядерной войны, но и на том, как именно предотвратить любую войну с применением обычных видов оружия. При оценке этого, как и любого другого нового предложения, решающим критерием должно быть: поможет ли оно сохранить для будущего тот мир и свободу, которым мы пользовались последние три десятилетия?

К сожалению, обсуждение по обе стороны Атлантического океана предложения четырех авторов затрудняется отсутствием четкого различия между "первым применением" ядерного оружия и возможностью нанесения "первого удара" ядерным оружием. Сами авторы использовали оба термина, чем немудрено внесли путаницу в этот вопрос. "Первое применение" означает первое использование ядерного оружия независимо от его силы и места применения: первым применением

будет даже использование ядерного устройства для взрыва моста на собственной территории. С другой стороны, "первый удар" означает нанесение предупредительного ядерного удара с целью наиболее полного уничтожения всего стратегического потенциала противника. Нанесение превентивного удара силами НАТО является беспредметным вопросом, поскольку такой удар должен в будущем остаться таким же немыслимым, каким он является сейчас и каким он был в прошлом. Темой обсуждения должно быть исключительно первое применение оружия Западным союзом в оборонительных целях.

Нынешняя стратегия гибкого реагирования, принятая НАТО, имеет своей целью отбить у противника желание применить военную силу или угрожать ее применением, противопоставив ему полный спектр средств сдерживания и, следовательно, неподдающийся расчету риск. Эта стратегия также имеет своей целью совершенствование методов управления кризисной ситуацией, как одного из средств предотвращения конфликтов. Эффект сдерживания этой доктрины опирается на три столпа:

- политическая решимость членов западного Союза совместно сопротивляться любой форме агрессии или шантажа;
- способность Союза эффективно реагировать на любой уровень агрессии; и
- оперативность выбора уровня ответных действий с использованием обычных или ядерных сил.

Основной задачей этой стратегии является предотвращение войны. Для этого она использует в своих целях принципиально новый и неизбежный феномен ядерного века. Наша эпоха принесла человечеству не только проклятие беспрецедентной разрушительной силы ядерного оружия, но и его двойник — основанный на боязни самоуничтожения страх развязать эту силу. При наличии ядерного оружия война теряет свою прежнюю функцию как продолжение политики другими средствами. Более того, разрушительная сила этого оружия заставила политических лидеров, особенно в государствах, имеющих это оружие, оценивать фактор риска с беспрецедентной в истории точностью.

Нынешний, самый длительный в истории Европы период мира невозможно представить без того влияния, которое оказало на сдерживание войны ядерное оружие. За этот же период времени в Азии, Африке и Латинской Америке произошло

больше 100 войн, в которых число убитых, раненых и беженцев исчисляется миллионами.

Непрерывный количественный рост арсенала ядерного оружия, который в настоящее время насчитывает много тысяч боеголовок с самыми современными средствами доставки, по понятным причинам внушает многим людям страх перед последствиями войны с использованием оружия, разрушительная сила которого выходит за пределы человеческого воображения. Однако единственным новым фактором является то, что сейчас больше людей, чем раньше понимают последствия такой войны. Многие политические и военные лидеры знали об этих последствиях еще тогда, когда это оружие только разрабатывалось и проходило первые испытания. К счастью, боязнь последствий такой войны заставила выработать такую политику, которая и по сей день служит делу предотвращения войны в Европе, но которая, к сожалению, одновременно стимулировала создание запасов такого оружия, так как ни одна из сторон не желает оказаться слабее другой.

Стратегия гибкого реагирования предполагает отражение нападения противника — независимо от уровня нападения — таким образом, чтобы у агрессора, развязавшего военный конфликт с помощью либо обычного, либо ядерного оружия, не было никакой надежды добиться преимуществ или победы. Тесная и нерушимая связь обычных вооруженных сил и ядерного оружия на европейском континенте со стратегическим потенциалом США ставит Советский Союз перед лицом неподдающегося расчету риска того, что любой военный конфликт между этими блоками может перерасти в ядерную войну. Основной функцией ядерного оружия является функция сдерживания, предупреждения агрессии и шантажа.

Вплоть до настоящего времени сочетание вооружения с ядерным оружием обеспечило такое положение, при котором война между Востоком и Западом стала бессмысленной, потому что победителей в ней не будет. Неизбежный парадокс такой стратегии предупреждения войны состоит в том, что для предотвращения войны необходимо демонстрировать волю к ведению ядерной войны. Однако вытекающая из этого необходимость наличия ядерного оружия и постоянные напоминания о его разрушительной мощи в случае применения в войне тревожат многих людей.

То же самое справедливо и в отношении ограничения ядерной войны: стратегия массового возмездия была пересмотрена

рена ввиду того, что с ростом разрушительной мощи такого оружия угроза ответной реакции даже на низкий уровень агрессии массированным применением ядерного оружия стала все менее вероятной. Став невозможным, средство устрашения потеряло способность предотвратить войну в Европе.

Поэтому в середине 60-х годов европейские страны поддержали новую стратегию гибкого реагирования, согласно которой ограниченное применение ядерного оружия и пределы такого применения стали составной частью стратегии сдерживания, направленной на предупреждение даже "малых" войн в Европе. Теперь критики ядерного сдерживания неверно истолковывают это изменение стратегии, подозревая сверхдержавы в сговоре вести ограниченную ядерную войну на европейской территории и за счет европейцев.

Отказ от применения ядерного оружия первыми, несомненно, лишит нынешнюю стратегию предотвращения войны, стратегию, которая поддерживается правительством и оппозицией ФРГ, а также огромным большинством населения, одной из ее важнейших отличительных черт. Нельзя не придти к заключению, что Советский Союз благодаря этому вновь сможет рассчитать все факторы риска, связанного с ведением войны в Европе, и развязать ее. Он больше не будет опасаться того, что ядерное оружие нанесет ему неприемлемые потери и приведет к разрушениям на его территории. Поэтому мы опасаемся, что категорический отказ от применения ядерного оружия первыми снова сделает войну более вероятной.

Основная слабость предложения четырех авторов состоит в их бездоказательном утверждении, что политика отказа от применения ядерного оружия первыми сделает войну менее вероятной. Хотя восстановление нарушенного равновесия неядерных сил обоих блоков, к которому они призывают (и которое будет рассмотрено ниже), и увеличит для нападающих советских подразделений риск получения отпора, такая политика избавит Советы от решающего фактора ядерного риска, т.е. от того, что до сих пор удерживало СССР от применения военной силы, даже в ограниченных целях, против Западной Европы. Несомненно, что избавление от ядерной угрозы будет в равной степени благотворным и для Соединенных Штатов. Поэтому следует рассмотреть вопрос о том, будет ли политика отказа от применения ядерного оружия первыми содействовать "оздоровлению западного Союза" или же, напротив, еще больше увеличит неуверенность и, следовательно, опасность возникновения войны.

Доводы, приводимые четырьмя американскими авторами, существенно ослабляются их тенденцией рассматривать наиболее худшие варианты. Они почти фаталистически исходят из предположения, что поведение государств будет полностью иррациональным и что контролировать якобы необратимую эскалацию станет невозможным. Мы разделяем мнение авторов, что такой поворот советского авантюризма, который заставит их нанести превентивный ядерный удар по Соединенным Штатам, не следует рассматривать слишком серьезно. Нам также известны последние исследования, которые утверждают, что по мере эскалации ядерную войну все труднее будет контролировать. Здесь мы не можем не согласиться. Однако одновременно следует задать вопрос: при каких обстоятельствах станет вероятным — если это вообще возможно — что Запад первым применит ядерное оружие в Европе. Это может возникнуть только в ситуации, когда массированное нападение обычных вооруженных сил Варшавского пакта нельзя будет сдержать обычными вооруженными силами, что принудит НАТО к ограниченному применению ядерного оружия, малой мощности и в небольшом количестве, возможно даже в виде предупредительного взрыва. Все указывает на то, что обе стороны проявят чрезвычайную осторожность, чтобы избежать именно той опасной и, возможно, неподдающейся управлению эскалации, о которой некоторые исследователи справедливо говорят как о главной опасности и которую сторонники политики отказа от применения ядерного оружия первыми представляют как неизбежность.

Западный Союз — это союз равных. Следовательно, его сплоченность основана на максимальной реализации принципа равного риска, равных обязательств и равной безопасности. Этот принцип отражен в нынешней стратегии НАТО. Она гарантирует, что американский военный потенциал, включая его обычные и ядерные компоненты, будет участвовать в обороне Европы. Как население ФРГ, так и граждане США разделяют опасность, связанную как с обычной, так и ядерной войной. Неразрывная связь безопасности Союза с его территориальной целостностью придает убедительность стратегии сдерживания.

Глубокую озабоченность вызывают те выводы, которые можно сделать из рекомендации четырех авторов относительно выполнения Соединенными Штатами своих обязательств по обороне Европы. Они утверждают, что отказ от применения

ядерного оружия не будет представлять собой отказа Америки от гарантии защищать Западную Европу, а "только уточнением". Нам кажется, что такое "переосмысление" выльется именно в снятие с себя Соединенными Штатами нынешних обязательств.

Мнение четырех американских авторов по своей сути сводится к ограничению существующей ядерной гарантии защиты Соединенными Штатами своих не располагающих ядерным оружием партнеров по Союзу только тем случаем, когда СССР первым применит ядерное оружие. Даже в случае массированного неядерного нападения на всю европейскую территорию НАТО, Советский Союз будет уверен, что его собственная территория будет оставаться заповедной до тех пор, пока он сам не прибегнет к ядерному оружию. Это будет еще более справедливо в случае внезапной операции, целью которой явится молниеносная оккупация тех районов Западной Европы, которые почти невозможно оборонять неядерными средствами.

В таком случае только территория жертвы агрессии подвергнется разрушению и уничтожению. Поэтому легко понять, почему в течение многих лет СССР добивается совместного американско-советского отказа от применения ядерного оружия первыми. Иногда такие предложения протаскиваются под видом отказа от применения ядерного оружия во всем мире. Если следовать идеям автора, то любой неядерный конфликт в Европе не будет больше представлять опасности для территории СССР и – несмотря на повышение доли участия Америки в обороне Европы обычными средствами, как предлагают авторы – также избавит территорию США от опасности ядерного удара.

Предложение авторов о том, что "генеральная линия политики должна исключить любую, даже ограниченную ядерную акцию для предупреждения даже неизбежного неядерного нападения" неоспоримо указывает на то, что на карту поставлен отказ Соединенных Штатов от ранее данных обязательств. Таким образом, авторы рекомендуют Западной Европе капитулировать в случае угрозы поражения, например, если ФРГ окажется перед лицом опасности захвата страны вооруженными силами без применения ядерного оружия. Ведь американской ядерной гарантии больше не будет.

Авторы надеются, что их ошеломляющее предложение не воспримут в Европе и особенно в ФРГ "как свидетельство упадка заинтересованности Америки в Атлантическом Союзе

и в эффективной общей политике сдерживания”, но что, напротив, это окажется лучшим способом ”сохранения единства и эффективности Атлантического Союза”. Берем на себя смелость не согласиться с этой точкой зрения: предлагаемая политика отказа от применения ядерного оружия уничтожит веру европейцев и особенно немцев в то, что союз Европы и Америки основан на понимании общей опасности, она подорвет стратегическое единство Союза и безопасность Западной Европы.

При нашем отказе от применения ядерного оружия потенциальному агрессору будет, безусловно, гораздо легче вычислить и учесть степень риска. Более того, резко возрастет значение советского превосходства в обычных вооруженных силах. Война обычными средствами на территории Европы снова станет возможной. Война снова сможет стать просто продолжением политики другими средствами. Более того, неядерная война представляет для НАТО опасность совсем иного рода. Отсутствие угрозы перерастания войны в ядерную освободит Варшавский пакт от необходимости рассредотачивать при нападении свои вооруженные силы. В результате этого НАТО будет вынужден выставить значительно более крупные вооруженные силы, чем теперь.

Утверждения четырех американских авторов о ”тенденции переоценивать мощь советских вооруженных сил обычного типа” не соответствует самым последним данным сопоставления вооруженных сил Востока и Запада, разработанным НАТО. Признавая, что политика отказа от применения атомного оружия требует укрепления вооруженных сил обычного типа, авторы считают, что Атлантический Союз в состоянии провести такую реорганизацию, в пределах реалистичных бюджетов. Мы считаем, что авторы существенно недооценивают политические и финансовые трудности, стоящие на пути перевооружения Запада. Другое дело, если бы путем переговоров такое равновесие было достигнуто за счет сокращения вооруженных сил Варшавского пакта. Авторы не исследуют такой возможности, но долгие годы безуспешных переговоров о взаимном и уравновешенном сокращении вооруженных сил наглядно показывают, какие препятствия стоят на этом пути.

Достичь равновесия путем наращивания обычных сил также будет чрезвычайно трудным делом для Запада. Расходы на перевооружение значительно превысят нынешние бюджетные ассигнования на оборону. Доводы авторов о том, что в случае отказа от применения ядерного оружия можно будет

достичь экономии за счет сокращения ядерных расходов, не являются убедительными для европейских стран, не имеющих ядерного оружия (кстати, такая экономия средств подразумевает значительное сокращение западного ядерного арсенала). По нашему мнению, США и Великобритания в таком случае будут вынуждены ввести воинскую обязанность, а остальные европейские страны – продлить срок военной службы. Вследствие необходимости значительно увеличить численный состав вооруженных сил, ФРГ будет вынуждена разместить на своей территории большие контингенты дополнительных войск, как своих, так и союзников; ФРГ на долгое время превратится в большой военный лагерь. Могут ли четыре американских автора серьезно думать, что в Западной Европе и в Соединенных Штатах готова почва для значительного увеличения численного состава вооруженных сил, как это вытекает из их предложения?

Даже если в Европе будет достигнуто относительное равновесие обычных вооруженных сил, у Советского Союза останутся пагубные для Западной Европы преимущества: во-первых, СССР имеет географическое преимущество, благодаря относительной близости своей территории он может в любой момент изменить равновесие в свою пользу; во-вторых, всегда будет существовать возможность, не отрицаемая даже американскими авторами, что, несмотря на декларированный отказ от применения ядерного оружия, обычная война в своей решающей стадии сможет превратиться в ядерную войну.

Кроме того, скептически комментируя идею о зоне, свободной от ядерного оружия, сами авторы указывают, что Советский Союз может быстро перебросить ядерное оружие в такую зону из своего глубокого тыла. Если политика отказа от применения ядерного оружия будет взаимосвязана с полным или, по крайней мере, существенным выводом тактического ядерного оружия, как этого, очевидно, хотят авторы, то по сравнению с США Советскому Союзу будет гораздо легче нанести ядерный удар по Центральной Европе со своей собственной территории.

Для немцев и других европейских народов, в памяти которых еще живы ужасы обычной войны и на плотно населенной территории которых обе враждующие стороны развяжут разрушительную мощь своих современных армий, сама мысль о еще одной "обычной" войне наводит ужас.

Мы разделяем озабоченность четырех авторов о потенциально отрицательном воздействии на Атлантический Союз противоречий, вытекающих из двойного решения НАТО. Однако, в отличие от этих авторов мы не делаем вывода о том, что НАТО должен отказаться этого двойного решения. В частности, наши выводы основаны на трех аргументах:

Во-первых, Советский Союз обязан признать, что он должен ради своей собственной выгоды отказаться от уверенности в абсолютной безнаказанности, так как это обрекает на провал любую попытку стабилизировать отношения между Востоком и Западом. Советское решение приступить к разработке, производству и развертыванию в Восточной Европе ракет среднего радиуса действия СС-20 было принято в первой половине 1970-х годов, т.е. в период искреннего увлечения Западом детантом. Уже тогда советской стороне было ясно, что эти ракетные системы, хотя и будучи не межконтинентальными, а среднего радиуса действия, в случае их развертывания нарушат ядерное равновесие (в то время как уровень стратегических вооружений приближался к равновесию). Срочные послания, которые с чувством неотложности посылались европейскими правительствами Советскому Союзу в 1970-х годах, просто игнорировались, как не дала результатов и встреча Федерального канцлера Хельмута Шмидта с Генеральным секретарем Леонидом Брежневым в мае 1978 года. Нарастание советского ядерного арсенала шло непрерывно и продолжается до сих пор. Кроме того, разработаны новые современные системы короткого и нижесреднего радиуса действия, налажено их производство и развертывание. Все это дает советской боевой технике количественные и качественные преимущества.

Такой ход событий ставит тревожный вопрос о том, можно ли вообще повлиять на советскую политику вооружения и каким путем этого добиться. В любом случае, в интересах безопасности и мира такие попытки следует продолжать. Но только программа вооружений Запада ракетами среднего радиуса действия (Першинг-II и крылатые ракеты) и демонстрация способности Запада осуществить эту программу, в результате которой Советский Союз потеряет свое военное и политическое преимущество, имеет шанс убедить советское руководство прекратить наращивание оружия и сократить его численность.

К чему приведет такой ход событий, если, отказавшись от осуществления своего решения, Атлантический Союз позволит советскому ядерному арсеналу накопить

тысячи систем без надлежащего противовеса со стороны Запада и в условиях продолжающегося "стратегического равновесия"? Такая ситуация чревата двумя последствиями: во-первых, американская гарантия ядерной защиты Европы потеряет свою убедительность. Разделяемая четырьмя авторами точка зрения о том, что приданные НАТО американские системы будут достаточным противовесом советским ракетам среднего радиуса действия, совершенно бездоказательна (кстати, американское ядерное оружие, приданное НАТО, учтено в договоре об ограничении стратегических вооружений и, кроме того, мало пригодно для решения тактических задач). По мере роста советского превосходства в области ракет среднего радиуса действия США будут терять способность к эскалации, а следовательно, и свою убедительность. Это будет иметь дестабилизирующий эффект.

Во-вторых, мы обеспокоены возможностью того, что, если допустить дальнейший рост советского превосходства в области ядерного оружия среднего радиуса действия, возникнет потенциальная опасность использования его Советами с целью оказания политического давления. В этом случае разговоры о том, что шантажировать можно только тех, кто позволяет себя шантажировать, остаются лишь разговорами. В 1956 году Хрущев угрожал ядерным оружием Парижу и Лондону. В то время, в условиях американского стратегического превосходства, на его угрозу не обратили внимания. Попробуйте вообразить, что произошло бы сейчас, если бы такую угрозу повторили в условиях нынешнего разительного советского превосходства в области оружия среднего радиуса действия. В этих условиях политические деятели западных демократий оказались бы под таким давлением, которое в 50-е годы невозможно было бы и представить.

В третьих, нас беспокоят отдаленные результаты возможности провала двойного решения НАТО. По нашему мнению, антиядерные протесты не только не прекратятся, но, по всей вероятности, останутся в течение многих лет постоянным фактором политической ситуации в Западной Европе. Это движение протеста и выражаемая законная озабоченность должны рассматриваться чрезвычайно серьезно, но в то же время нельзя не учитывать, что они отражают мнение меньшинства. В демократических обществах политика национальной безопасности, как и любая другая политика, определяется большинством. Относительно двойного решения НАТО, если

существующее явное большинство не сможет одержать победу перед лицом решительно настроенного меньшинства, решительность которого в дальнейшем вряд ли уменьшится, то на карту будет поставлено гораздо больше, чем рассматриваемое решение НАТО. Это прекрасно понимают все участники движения протеста, а также Москва. В вопросе о двойном решении НАТО на карту поставлена также и способность демократического большинства продолжать разрабатывать и осуществлять политику национальной безопасности и в будущем.

У11

Особый упор на отказ от применения первыми только ядерного оружия принижает значение всеобщего запрещения применения силы, как это изложено в статье 11 Устава ООН. ФРГ всегда придерживалась принципа всеобщего отказа от применения силы. Это обязательство Германия подтвердила при вступлении в НАТО, а также в договорах с Востоком в начале 1970-х годов и в Заключительном акте совещания в Хельсинки в 1975 году. ФРГ разделяет со своими партнерами по НАТО позицию, согласно которой отделять вопрос о конкретных видах оружия от концепции всеобщего отказа от применения силы будет юридически спорным и политически вредным.

В ФРГ как правительство, так и оппозиция полностью согласны в этом вопросе. И в самом деле, следует задаться вопросом, а не облегчит ли запрет на применение ядерного оружия первыми применение неядерного оружия и не окажется ли страна, которой угрожает вооруженный до зубов неядерным оружием сосед, менее защищенной в результате запрета на применение силы?

Антиядерное движение в Европе в значительной степени порождено идеей о непроизводительной затрате ресурсов, которые потребует ядерное вооружение в то время, когда в мире еще так много бедных стран. Мы считаем такую озабоченность законной, хотя не разделяем основных выводов этого движения. Ввиду бремени оборонных расходов в ядерный век, которые должны нести граждане наших демократических стран, как правительства, так и оппозиция должны неустанно исследовать любые возможности для смягчения напряженности и уменьшения возможности возникновения разрушительной войны путем сотрудничества, проведения усиливающих доверие мероприятий, контроля над вооружением и разоружением.

В отличие от четырех американских авторов, мы не считаем отказ от возможного применения оружия первыми ответом на нынешнюю озабоченность и тревогу, вызванные ядерным вооружением. Вместо этого мы видим ответ в созидательной и реалистической политике контроля над вооружением и разоружением. Мы рассматриваем как творческий шаг вперед двойное решение НАТО от декабря 1979 года, согласно которому, в случае провалов переговоров о сокращении вооружений, НАТО приступит к развертыванию ракет среднего радиуса действия. Мы приветствуем начало переговоров о ракетах среднего радиуса действия в Женеве и предложенное президентом Рэйганом "нулевое" решение. Основной целью этого предложения является убедить Советский Союз сократить свои непомерно возросшие вооружения; оно возлагает на СССР всем понятную ответственность за возможное принятие Западом программы перевооружения. Далее мы приветствуем готовность, выраженную обеими сверхдержавами, приступить к переговорам о стратегическом оружии, а также предложение о сокращении стратегического вооружения, которое было выдвинуто президентом Рэйганом в Эвреке 9 мая 1982 года. Совещание министров НАТО в мае 1981 года и декларация совещания в верхах НАТО в Бонне в июне 1982 года недвусмысленно отражают последовательность основной концепции Атлантического Союза, согласно которой безопасность достигается сочетанием необходимого уровня оборонной мощности с политикой сотрудничества и переговоров, с целью устранения причин, вызывающих напряженность.

Четыре американских автора надеются, что политика отказа от применения ядерного оружия поможет расчистить путь к серьезному сокращению ядерного вооружения обеими сторонами. Однако их дальнейшие комментарии по этому вопросу наводят на мысль, что сами они на многое не рассчитывают. И в самом деле, опыт последних лет в области тактического ядерного оружия дает мало оснований надеяться на то, что советская сторона готова к серьезному сокращению вооружений. Кроме того, сомнительно, чтобы Советы были готовы отказаться от своего превосходства в неядерном вооружении, которое стоило им огромных жертв, которое они упорно отстаивали в течение десятилетий, а за последние годы энергично наращивали, именно в тот момент, когда такое превосходство приобретет возросшее и решительное значение.

Мы разделяем озабоченность, вызванную опасностью ядерной войной. Это приводит нас к выводу о том, что необходимо предпринять энергичные попытки уменьшить опасность применения ядерного оружия первыми в начальной стадии войны. Кстати, сами авторы упоминают, в качестве возможной альтернативы, политику "неприменения ядерного оружия первыми на ранней стадии войны", но они в конце концов отказываются от такой альтернативы, считая ее одним из ядерных вариантов, и поэтому призывают принять ясное решение в пользу категорического отказа от "любого применения ядерного оружия первыми".

Западный Союз с самого начала поставил себе целью отказ от применения л ю б о й силы первыми. Все военное планирование, структура и расстановка сил подчинены исключительно задачам обороны. Наличие ядерного оружия в значительной мере содействовало успеху Западного Союза в предупреждении войны и сохранению свободы в течение трех десятилетий. Мы убеждены, что если мы будем меньше полагаться на применение ядерного оружия даже на ранней стадии, это также послужит миру. Однако в необозримом будущем отказ от применения ядерного оружия будет противоречить интересам безопасности Европы и всего Атлантического Союза.

Владимир Буковский

ПАЦИФИСТЫ ПРОТИВ МИРА

”Мир будет сохранен и упрочен, если народы возьмут дело сохранения мира в свои руки и будут отстаивать его до конца”.

И. В. Сталин. 1952 г.

1. Секретное советское оружие.

Можно с уверенностью сказать, что ”борьба за мир” является краеугольным камнем советской мировой политики. Да и сама советская власть фактически возникла из пепла первой Мировой войны под лозунгом: ”Мир народам!

Авторизованный перевод статьи из американского журнала «Комментари», май 1982 (Vladimir Bukovsky. The Peace Movement and the Soviet Union. Commentary, May 1982)

Владимир Буковский — известный участник правозащитного движения в СССР, неоднократно жестоко репрессировался властями. В декабре 1976 был обменен на главу чилийской компартии Луиса Корвалана. Окончил колледж Кембриджского университета в Англии, учится в Стенфордском университете (штат Калифорния, США). Автор книг «И возвращается ветер» (1978) и «Письма русского путешественника» (1981).

Власть Советам!”. Возможно, именно в этот момент впервые осознали большевистские идеологи каким мощным оружием является эта всеобщая жажда мира, как доверчивы, алогичны, иррациональны становятся люди, лишь только помянуть их малейшей надеждой на мир.

К несчастью для обывателя, порядок, установленный коммунистами, означал ни что иное как перманентную гражданскую войну, будь то внутри страны или за рубежом. А точнее говоря, глобальную ”борьбу за мир”, поскольку, согласно Ленину, в конечном итоге ”мир” означает просто коммунистическое господство во всем мире! И пока товарищ Чичерин в Генуе призывал весь мир к немедленному и полному разоружению, толпы обезумевших людей маршировали по советской земле под лихую песню

Мы раздуем пожар мировой,
Церкви и тюрьмы сравнием с землей.
Ведь от Москвы до Британских морей
Красная Армия всех сильнее.

И правда, церкви сравнивали весьма скоро. Что же касается тюрем, то тут коммунисты не спешили выполнить свои смелые обещания. Совсем напротив, число их стало расти год от года, чтобы дать приют десяткам миллионов ”классовых врагов” и ”врагов народа”. Зато сопоставив карты мира, скажем, за 1921 и 1981 годы, становится очевидно, что обещание ”мирового пожара” было отнюдь не пустым.

Осознав однажды каким мощным оружием является ”борьба за мир”, коммунисты уже никогда не упустили его из своих рук. Нужно признать, что в этом смысле советская внешняя политика была неизменно самой ”мирной”. При этом мы должны, однако, иметь в виду, что согласно коммунистической догме войны являются ”неизбежным последствием империалистических противоречий между капиталистическими странами” и, следовательно, войны неизбежны, доколе капитализм существует. Единственный способ спасти человечество от проклятия войны заключается в ”освобождении” его от ”оков капитализма”. Соответственно, существует очень точное различие между войнами ”справедливыми” и ”несправедливыми”: ”справедливые войны” это те, которые ведутся в ”интересах пролетариата”, в то время как ”несправедливые войны” ведутся против этих интересов. Как видите, все очень просто и абсолютно ясно: справедливые войны вполне оправданы, потому что они ведут к созданию такого мирового по-

рядка, где вообще не будет больше войн, раз и навсегда. Ведь пролетарии все братья, так? Значит, избавившись от капиталистов, империалистов и прочих врагов народа, с чего бы им драться между собой?

Следуя той же безукоризненной логике, вполне очевидно, что интересы пролетариата лучше всего известны его авангарду, то есть коммунистической партии и должны определяться ее лидерами (Лениным, Сталиным, Хрущевым, Брежневым и т.д.), поскольку они, в свою очередь, являются авангардом коммунистической партии.

Как только установлена эта формула и расшифрована терминология, ход истории становится абсолютно ясен. Например, оккупация Прибалтики, Бессарабии или война с Финляндией в 1939-1940 годах, бесспорно, были совершенно справедливы, так же как и раздел Польши, осуществленный совместно с нацистской Германией, в то время как нападение Германии на Советский Союз в 1941 году, несомненно, было вопиющей несправедливостью. Так же как, например, нападение арабов на Израиль совершенно справедливо, но только до тех пор, пока оно успешно. Если же сопротивление оказалось слишком сильным, все миролюбивое человечество должно незамедлительно протестовать.

Стоит ли говорить, что вышеупомянутое различие должно быть полностью усвоено мировым общественным мнением, которое должно соответственно направлять свои усилия, если мы желаем успеха нашей борьбе за мир. По счастью, в мире достаточно прогрессивно мыслящих людей, для которых любое направление является прогрессивным, поскольку оно по определению должно способствовать делу социализма. Так, до заключения пакта Молотова-Риббентропа усилия всех прогрессивных людей были направлены против фашизма, будь то в Испании, Италии или Германии. Сразу же после его подписания, прихотливое настроение прогрессивного общественного мнения внезапно и круто изменилось.*

Например, 2-го февраля 1940 года лидер немецких коммунистов, позднее ставший главой ГДР, Вальтер Ульбрихт, по разрешению нацистского правительства опубликовал в газете "Ди Вельт" статью, в которой писал: "Те, кто плетет интриги против дружбы немецкого и советского народов, являются врагами немецкого народа и заклеены как пособники Британского империализма".

Английская коммунистическая газета "Дейли Уоркер" следовала той же линии вплоть до вторжения немцев в СССР и приветствовала советско-германский альянс как победу дела мира.

В Соединенных Штатах коммунистическая газета заняла идентичную позицию. В сентябре 1939 года, когда война еще полыхала в Польше, газета опубликовала декларацию Национального Комитета компартии, объявляющую "империалистической" (т.е. несправедливой) войну, объявленную Францией и Англией против нацистской Германии и призывала рабочих Америки противиться этой войне. Этот призыв был немедленно подхвачен такими попутчиками как Теодор Драйзер, и коммунистические профсоюзы организовали саботаж производства на военных заводах, дабы не допустить поставку какой-либо помощи во Францию и Англию, а коммунистическая пропаганда делала все возможное, чтобы удержать Соединенные Штаты от поддержки европейских демократических стран в их войне с нацистской Германией вплоть до нападения Германии на СССР. Эти славные страницы в истории "борьбы за мир" теперь мало кому известны, а прогрессивное общественное мнение не любит вспоминать о них.

Однако нигде "борьба за мир" не была столь разрушительна, как во Франции, в которой коммунистическая партия со своими попутчиками заняла открыто пораженческую позицию до, во время и некоторое время после нацистского вторжения. Коммунистическая партия, которая уже тогда была во Франции весьма значительна, столь энергично занималась подрывом французских военных усилий, что вполне могла считаться "пятой колонной". Ее лидер Морис Торез, в первый же месяц объявления Францией войны, улетел в Москву, чтобы оттуда руководить саботажем военных приготовлений против Германии в своей стране. В ноябре 1940 года Торез и Дюкло открыто радовались падению Франции, а Торез заявил, что "борьба французского народа имеет те же цели, что и борьба германского империализма. В этом смысле, фактически, можно говорить о временном союзе".

Союз этот проявлялся весьма конкретно. Немецкие листовки, сбрасывавшиеся над линией Мажино, особенно упирали на то, что "Германия располагает неисчислимыми людскими и минеральными ресурсами после победы над Польшей и заключения пакта с Россией". В то же время депутаты-коммунисты обратились к президенту с призывом скорее заключить

предложенный Гитлером мир. После того, как коммунистические издания были запрещены во Франции, специальным декретом компартия продолжала публиковать свою пропаганду на немецких печатных машинах. Их листовки призывали солдат, докеров и других, занятых в осуществлении обороны, к саботажу и сопротивлению военным усилиям своей страны. В марте 1940 года партийная листовка хвасталась, что провал контрнаступления союзников произошел в большой степени благодаря пораженческой пропаганде коммунистов. И действительно, нет никакого сомнения, что вкупе с серьезным саботажем на военных заводах, эта пропаганда сыграла решающую роль в катастрофическом поражении в июне 1940 года.

В то самое время, когда генерал Де Голль выступил со своим знаменитым воззванием из Лондона, газета французской компартии "Юманите" писала: "Генерал Де Голль и другие агенты британского капитала хотели бы заставить французов воевать за интересы Сити..."

Позднее Хрущев припомнил в своих мемуарах: "Сталин однажды сказал мне, что Гитлер попросил его об одной услуге через секретные каналы. Гитлер просил Сталина, как человека наиболее авторитетного в коммунистическом мире, убедить французских коммунистов не организовывать сопротивления против немецкой оккупации Франции". По-видимому инструкция Сталина была гораздо шире.

Даже в Югославии, где коммунисты не жалели сил, чтобы очернить Англию и Францию, первый призыв к сопротивлению немецким захватчикам был издан Тито только 22-го июня 1941 года. Не оккупация родной Югославии, случившаяся раньше, а нападение на СССР пробудило у Тито патриотические чувства. Даже в далеком Буэнос-Айресе, по наблюдениям британского дипломата, нацистские дипломаты "сотрудничали с местными коммунистами, пытаясь завоевать симпатии масс лозунгами вроде "долгой британский империализм и эксплуатацию!"*

Но стоило нацистской Германии повернуться против своего великого восточного союзника, как вся эта чрезвычайно плодотворная "борьба за мир" внезапно кончилась. И правда, взрыв патриотизма среди "прогрессивных общественных сил" был поистине невероятный. Никаких забастовок, никаких проклятий в адрес гнилого капитализма, как будто его и не было. С этого момента и до конца Второй мировой войны западные страны переживали период небывалого мира

в промышленности и ослабления классовой борьбы. Война сразу же оказалась "справедливой".

Как ни парадоксально, возрождение миролюбивых чувств произошло сразу же по окончании Второй мировой войны, когда Советский Союз проглотил добрый десяток стран Центральной Европы и угрожал проглотить весь континент. В то время некоторые "поджигатели войны" подняли тревогу и даже зашли так далеко, что предложили создать "агрессивный блок НАТО". "Реакционные силы" всего мира начали "холодную войну". Пуще же всего, Советский Союз в этот момент здорово отставал от США в создании ядерного оружия. Кстати, по какой-то странной причине "империалистический военный комплекс", все эти доктора Стрэнджлав и прочие твердолобые генералы так-таки не сбросили атомную бомбу на Москву, пока владели ей монопольно. Это, без сомнения, нужно отнести на счет успехов массового движения за мир (иначе я просто не могу объяснить этот факт, разве что предположить, что НАТОвские генералы вовсе не агрессивны. Но какой же прогрессивно мыслящий человек согласится принять такое реакционное объяснение).

Как бы то ни было, люди старшего поколения все еще помнят многочисленные марши, митинги и петиции 50-х годов (включая знаменитое Стокгольмское воззвание и митинги неистощимого Всемирного Совета Мира). Едва ли для кого-нибудь теперь является секретом, что вся эта кампания организовывалась, дирижировалась и финансировалась из Москвы через так называемый "Фонд мира" и просоветский Всемирный Совет Мира, контроль над которым осуществлялся через таких сталинских марионеток как Эренбург, Тихонов и т.д. Как раз в это время и отчеканил товарищ Сталин свою незабвенную фразу (см. эпиграф в начале), с энтузиазмом подхваченную миллионами наивных людей, коммунистов, попутчиков, безмозглых интеллигентов, лицемеров, жаждущих популярности, католических священников, рвущихся в епископы, профессиональных общественников, врожденных идиотов, молодых людей, бунтующих против чего угодно и просто советских агентов. Как ни удивительно, а эта странная смесь составляет весьма значительную часть любого Западного общества и оттого кампания вмиг достигла грандиозного размаха. Теперь становилось уже просто модно в ней участвовать и весьма опасно отказаться.

Конечно же, цели всего этого столпотворения были прекрасно рассчитаны в Кремле. Во-первых, угроза ядерной войны (о которой советские периодически напоминали, создавая международные кризисы) и размах движения за мир должны были припугнуть буржуа и сделать его более сговорчивым. Во вторых, недавнее советское порабощение восточно-европейских народов должно было быть легче принято и скорее забыто общественным мнением Запада. Таким образом, вместо того, чтобы оказаться в обороне, советские вновь оказывались в наступлении, навязывая свою инициативу всему миру. В-третьих, эта массовая кампания создавала в Европе антиамериканские настроения и недоверие к собственным правительствам, сдвигая весь политический спектр влево. В четвертых, это делало военные расходы и размещение стратегического оружия настолько непопулярным, настолько политически трудным, что в конце концов значительно замедлило процесс укрепления Западной обороны, давая советским исключительно важный период времени, чтобы догнать Запад в производстве ядерного оружия. В-пятых, вышеозначенная смесь "блатных и нищих", составляющая движение за мир, обычно является наиболее социально-активной частью населения и само по себе достаточно важно направить их активность в нужное русло. Иначе могут возобладать совсем другие моды и тенденции, противоречащие советским интересам.

В целом, результаты превзошли все ожидания, и советские деньги были потрачены не напрасно.

Все это вместе взятое опасное развитие событий настроило Запад уже к концу 70-х годов, и многие открыто ставили под сомнение полезность политики детанта, когда в Рождественские праздники 1979 года ей нанесен был последний удар. Как раз в то время, как большинство людей на Западе было больше всего озабочено покупкой рождественских подарков и открыток, более 100 000 советских солдат оккупировали соседний Афганистан, неприсоединившуюся страну с населением около 17 миллионов. Эта новость потрясла мир, и СССР немедленно оказался в политической изоляции. Даже компартии многих стран осудили советскую акцию как акт неприкрытой агрессии. Этот пример откровенного международного гангстеризма вместе с последовавшей беззаконной высылкой лауреата Нобелевской премии мира академика Сахарова из Москвы и продолжающаяся военная угроза Польше (приведенная позже к установлению военного положе-

ния), буквально положили предел эре детанта и стоили СССР весьма дорого. Фактически, они потеряли почти все, что им удалось медленно достичь, пока Запад наслаждался односторонней "разрядкой". Ратификация договоров СОЛТ-2 была отложена на неопределенное время. Внезапно пробудившись от своей продолжительной летаргии, американцы с ужасом обнаружили, какой слабой и неспособной стала их страна. Было ясно, что в наступившей психологической атмосфере победа Рейгана обеспечена, неся с собой новый круг гонки вооружений, создание нового поколения вооружений, таких как бомбардировщики Б-1, крылатые ракеты, нейтронная бомба и ракеты типа МХ, ранее отложенные в долгий ящик. Равным образом можно было ожидать увеличения военных бюджетов большинства европейских стран, в то время как торговля с Восточным блоком, технология и кредиты неизбежно должны были сократиться или, по крайней мере, стать трудно достижимыми. Более того, эта тенденция, продолжись она некоторое время, неизбежно ведет к потере советскими их временного военного превосходства, поскольку советская экономика гораздо менее эффективна, чем экономика "гниющего капитализма", в особенности если последний не оказывает помощи кредитами и технологией. Все это, взятое вместе с политической изоляцией и даже враждебностью мусульманских стран (заметим, что Генеральная Ассамблея ООН осудила оккупацию Афганистана), вместе с бесконечным польским кризисом, безнадежной войной в Афганистане и растущим недовольством дома, вызванным хронической нехваткой продуктов питания — и общая картина получается почти катастрофической. Ясно, что советским правителям надо было предпринять что-то весьма решительное, чтобы избежать полной катастрофы.

Сказать по правде, меня не слишком удивило внезапное (в течение одного года) появление мощного движения за мир в Западной Европе. Особенно, когда, по странному совпадению, оно проявилось, прежде всего, в тех европейских странах, где старые ракеты должны заменяться новыми Першингами и крылатыми ракетами. Проживши 34 года в обожаемом коммунистическом отечестве, поневоле приобретаешь исчерпывающее знание всего набора трюков и фокусов. Да это, в общем-то и не так трудно, поскольку советская система — существо не слишком разумное, а скорее напоминающее огромного, безмозглого, допотопного ящера с более или менее

фиксированным набором рефлексов. "Ну вот, опять назад, к пятидесятым годам" – подумал я про себя.

Гораздо любопытней было наблюдать с какой легкостью вроде бы взрослые и отвечающие за свои поступки люди десятками тысяч попадают в примитивнейшую советскую ловушку. Как будто история повторяется у нас на глазах, предоставляя нам возможность увидеть самим, как рухнуло Российское государство в 1917-ом, или как рухнула Франция за один месяц в 1940-ом. Занятно убедиться еще раз, что люди практически неспособны извлечь какую-то пользу из уроков истории. Вновь всеобщая жажда мира прямо сейчас, сию же минуту и любой ценой, сделала людей совершенно алогичными и иррациональными, сделала их неспособными мыслить спокойно. Их аргументы, если их можно таковыми назвать, настолько бессмысленны, эгоцентричны, по-детски наивны, что точас же невольная улыбка скользит по вашим губам. В лучшем случае, вы услышите старые, замшелые советские лозунги и газетные клише, над которыми в СССР даже школьники смеются.

Прежде всего, почему это вдруг все так озаботились возможностью термоядерной войны? Что такое случилось, отчего она оказалась именно сейчас более реальной, чем, скажем, два-три года назад? Только потому, что разоблачился советский обман с детантом и новая американская администрация решила изменить стиль отношений с Востоком? Но ведь вся история советско-американских отношений показывает, что единственный способ заставить СССР уважать договоры, это говорить с ним с "позиции силы". Должны ли мы считать, что война стала реальной, потому что советские попались с поличным и могут потерять свое военное превосходство! Должны ли мы в таком случае пойти еще дальше и предположить, что единственная гарантия мира это советское превосходство?

Или вдруг новый навязанный лозунг, Бог весть откуда возникший, распространяется со скоростью лесного пожара: "Наши средства сдерживания больше не сдерживают!". Позвольте, почему же? Разве ядерная война уже началась? Разве советские уже напали на какую-нибудь из стран НАТО? Или это просто оттого, что мы посмотрелись телевизионных взрывов?

Посеять панику чрезвычайно легко. Вопрос только – кому это надо? Кто греет на этом руки? Просоветский Всемирный

Совет Мира пишет в своей брошюре за 1980 год (а все европейское движение повторяет следом, словно под гипнозом): "Народы мира встревожены. Никогда раньше опасность ядерного всеожожения не была так велика. Гонка ядерных вооружений, накопление смертоносных арсеналов достигли критической точки. Дальнейшая эскалация вооружений может создать опаснейшую ситуацию, создающую реальную угрозу уничтожения человечества".

Никогда раньше... Но почему же этой опасности не было год назад? Почему же это стало так опасно только теперь? Разве сами лидеры движения за мир не повторяют беспрестанно, что ядерный потенциал, накопленный с обеих сторон достаточен, чтобы уничтожить друг друга десятков раз? И если так, то почему же возможность уничтожения 20 раз более опасна, чем, скажем, 5 раз? Или она, эта возможность, почти как ядерный взрыв, должна достигнуть некоей критической массы, чтобы реализоваться?

Между тем, посреди этой ядерной истерии, как-то само собой забылось, что бомбы как таковые вполне безвредны, если только кто-то не возымел намерения их бросать. Так почему же мы вдруг взволнованы этой горой железяк, а не советским военным продвижением в район Персидского залива?

Или вот, тоже вполне внезапно, стройный хор голосов взвыл как по команде: "Ядерное оружие аморально!" Погодите минуточку, оно что, только сейчас сделалось аморальным? Или, быть может, не-ядерное оружие морально? Почему же эта мысль только сейчас пришла в голову всем этим людям?

И действительно, наиболее поразительный аспект нынешней антивоенной истерии состоит не только в ее исключительно своевременном для СССР появлении, но и в ее односторонней направленности. В самом деле, миллионы людей в Англии, Германии, Голландии, Бельгии, Италии, Франции, предположительно в здравом уме и не под влиянием ЛСД утверждают, что угроза мировой войны исходит от... их собственного правительства и от правительства США! Психологик, видимо, назвал бы это явление фрейдистской заменой реального объекта страха воображаемым, но даже и психологик не станет отрицать, что советская пропаганда играет не последнюю роль в возникновении этой иллюзии.

Факты слишком очевидны, чтобы их здесь обсуждать. Можно любить или не любить президента Регана или канцлера Шмидта, однако в отличие от товарища Брежнева, они были

законно избраны большинством граждан в своих странах и полностью подотчетны в своих действиях парламентам и избирателям. Они просто не могут объявить войну по своему желанию. Достаточно просто оглядеться, чтобы увидеть источник агрессии. Чьи войска оккупировали половину Германии и построили стену в Берлине — советские или американские? Разве не советские армии все еще оккупируют Венгрию, Чехословакию, Прибалтику или Афганистан вопреки желанию народов этих стран? Чьи войска участвовали в оккупации соседней Чехословакии и готовятся к вторжению в Польшу — западно- или восточно-германские?

На Западе все делается вполне открыто (я бы даже сказал, слишком открыто). Но что известно нам о решениях принятых пятнадцатью старыми дураками, которых никто не выбирал и не уполномочивал принимать эти решения и никто не вправе призывать к ответу. Советская пресса не вправе критиковать их, секретная полиция не позволит народные демонстрации, протестующие против их диктата. Те, кто откажется повиноваться их тайным приказам, исчезнут немедленно и навеки. В действительности, почти нет разницы между советской и нацистской системами. Станем ли мы утверждать, что Гитлер заслуживает больше доверия в вопросах войны и мира, чем демократические правительства?

Однако, поговорив несколько раз со сторонниками нынешнего движения за мир, мы легко убедимся, что никакая логика не производит на них впечатления. Нисколько не смущаясь, они утверждают, что нет никакого советского военного превосходства (все это, видите ли, дезинформация ЦРУ). Взамен они процитируют нам труды мистического Стокгольмского Исследовательского Института Мира, оставляя нам гадать какими же методами пользуется этот институт для оценки советского военного потенциала. Вряд ли он располагает собственными разведывательными спутниками, а потому его сотрудники, видимо, поставлены перед трудным выбором между голубым небом и советскими спутниками. Не удивительно ли, что никто в движении за мир не усомнился до сих пор в надежности этого непонятого учреждения?

Но это еще пустяки. Повторяя слово в слово старые клише из "Правды", наши миролюбцы утверждают, что "безумные американские генералы" настолько кровожадны, что готовы нажать кнопку просто ради забавы (хотя я никогда не мог взять в толк, почему генералы непременно быть сумасшедши-

ми — американские, разумеется, не советские, у которых выработан иммунитет к психическим болезням — и если они действительно таковы, почему же они не нажали чертову кнопку давным-давно? В любом случае, трудно себе представить, что генералы, у которых хотя бы есть какое-то техническое образование, были глупее и менее подготовлены разбираться в ядерных проблемах, чем учителя начальных школ и бесчисленные историки из движения за мир).

Нет никакого смысла перебирать все эти ”аргументы” движения за мир, настолько противоречивые, порой даже несовместимые, что непонятно, как их сторонники ухитряются уживаться в одном движении. Лишь один мотив объединяет их: панический страх и готовность капитулировать перед лицом советской угрозы задолго до того, как эта капитуляция потребована. ”Лучше быть красным, чем мертвым”. Потому-то нынешняя советская пропаганда внезапно стала столь эффективной, а само движение столь успешно манипулируется из Москвы.

Есть убедительные доказательства того, что движение за мир оправдывает это международное преступление. Поскольку недавно лидеры СНД (Кампания за ядерное разоружение, самая большая организация сторонников мира в Англии) обвинили меня публично в искажении их позиции по данному вопросу, давайте процитируем официальную брошюру СНД ”Почему нам нужны действия, а не слова. СНД памфлет”, написанный Бетти Ингланд (стр. 12): ”Интервенция в Афганистане частично вполне могла быть вызвана страхом Советского Союза перед усиливающимся окружением. Этот страх вряд ли можно назвать необоснованным после заявления сэра Нила Камерона в Пекине...” Ну, разве это не составляет оправдания бедных русских, которых сэр Камерон так напугал своей речью? Следуя этой логике, не следует ли нам установить строжайшую цензуру на все антисоветские речи, дабы избежать советской оккупации всего мира? Подоплека же этого заявления гораздо важнее. Нас хотят убедить, что единственный способ сохранить мир, это постепенно принять и советскую систему, и советские требования.

Еще более откровенен Всемирный Совет Мира. В его брошюре ”Программа действия 1981” содержится прямая директива поддерживать нынешний марионеточный режим в Афганистане (стр. 25). Эта ”программа” была е д и н о г л а с н о одобрена в 1980 году в Софии на сборище представителей

всех организаций "борцов за мир" (см. об этом далее). После этого не удивляет решение недавней Международной Конференции Мира в Дании собрать следующую такую конференцию в Кабуле через шесть месяцев.

Равным образом очевидно, что советское вмешательство в дела Польши подтолкнет нас ближе к мировой войне, или, точнее, сделает ослабление международной напряженности совершенно невозможным на ближайшие 10-15 лет. И вновь, единственное общественное движение, ни разу не осудившее советские угрозы Польше (и все еще не решившее как следует реагировать на продиктованное советскими введение военного положения в этой стране) – это движение за мир. Лидеры крупнейших из таких групп в Англии – СНД, пошли еще дальше, публично хвастаясь своим безразличием к польским событиям всего за несколько дней до введения военного положения (см. письмо в "Таймс" священника Бруса Кента за 9 декабря 1981 года) и демонстрируя свою "беспристрастность", приравняв польский кризис к событиям в Восточном Тиморе. Такая и подчеркнутое невежество, проявленные простым смертным, могут вызвать лишь сожаление, однако лидеру движения, ставящего своей целью укрепление мира в Европе, следует помнить, что в 1975 году 35 стран Европы, Канады и США торжественно признали неразрывную связь между безопасностью в Европе и соблюдением прав человека в этих странах. Должны ли мы предположить теперь, что СНД отвергает это международное соглашение, или мы должны заключить, что СНД безразлично к проблемам европейской безопасности?

Однако отношение всего движения за мир к польским проблемам гораздо менее безразлично. Мне никогда не пришлось слышать, чтобы представитель чилийской, аргентинской или сальвадорской хунты удостоились чести быть приглашенными разъяснить свою точку зрения перед Международной Конференцией за Мир. По какой-то причине, исключение было сделано для представителя польской хунты в январе 1982 года, любезно приглашенного Всемирным Советом Мира выступить на Международной Конференции за Мир в Дании. Его омерзительная лож в адрес "Солидарности" и лишенного свободы Леха Валенсы (см. "Гардиан", от 11 января 1982-го года) была встречена аплодисментами собравшихся "миротворцев" (сообщение Би-Би-Си).

Казалось бы, просто здравый смысл подсказывает необходимость сдерживать обе стороны возможного конфликта,

если наша цель — мир. Но это движение настолько "односторонне", что полностью игнорирует вооружение "другой стороны", таким образом вполне успешно защищая ее интересы. Мы постоянно слышим невероятный шум о еще не существующей американской нейтронной бомбе, или еще не размещенных крылатых ракетах, а сотни уже нацеленных на Европу советских ракет СС-20 не устаиваются большего, чем упоминания вскользь, почти шепотом. После того, как это мое замечание вызвало бурную реакцию лидеров СНД ("Таймс", 9 декабря 1981 года), я еще раз просмотрел все публикации этой организации. Официальная брошюра СНД, уже упоминавшаяся ранее не содержит ни о д н о г о упоминания СС-20 и в то же время буквально насыщена названиями американских ракет. Точно так же выглядит и широко циркулирующий отчет ежегодной конференции СНД (за 1981, т.е. последней) и официальная массовая листовка СНД "Ядерная война и Вы", брошенная чьей-то заботливой рукой в мой почтовый ящик. Только недавно мне стало известно, что решение "упоминать" СС-20 было в конце концов принято СНД после весьма горячих споров и в большой степени против желания руководства СНД, многие из которых являются также членами Британской коммунистической партии.

Парадоксально, что многие из участников движения за мир раньше участвовали в работе Эмнести Интернешнл (а некоторые и сейчас сотрудничают с ней), помогая узникам совести в коммунистических странах. К несчастью, само по себе это еще не гарантирует от серьезных политических ошибок и никоим образом не оправдывает того вредного влияния, которое движение за мир оказывает на события в мире. Можно только пожалеть, что эти люди не объяснили руководству движения за мир как вредна может быть политическая предвзятость. Как бы то ни было, но факт остается фактом: ни само движение за мир, ни какая-либо из его крупных составляющих групп ни разу не выступила в поддержку тех тысяч людей в СССР или Восточной Европе, которые находятся в заключении за сопротивление агрессивной советской политике, за отказ служить в армии агрессора или стрелять в гражданское население Афганистана. В то самое время, когда сотни тысяч "миролюбцев" шумно выражали свои "односторонние" чувства на улицах Лондона, Бонна, Амстердама, Парижа, Брюсселя, ни единого слова не было сказано о лауреате Нобелевской Премии Мира Сахарове, находящемся в тот момент в ссыл-

ке и, к тому же, объявившем голодовку; о человеке, который сделал больше кого бы то ни было в нашем мире для запрещения испытаний ядерного оружия. Все эти творцы одностороннего мира с радостью швыряли камни в генерала Хейга, но приветствовали маршала Брежнева раболопными улыбками. Что ж, добрая собака не лает на хозяина.

Как раз, когда эта статья готовилась к печати, Джон Винокур сообщал в "Нью-Йорк Таймс" (6 апреля 1982 года) о "первом публичном подтверждении изнутри антивоенного движения..., что западногерманская компартия по указке из Советского Союза пытается мобилизовать общественное мнение против ядерного оружия". Партия защитников окружающей среды, известная в Германии под именем Зеленых, "выступила с обвинениями в том, что германская компартия, находящаяся под контролем Москвы, доминировала и манипулировала митинг (в Бонне) в воскресенье (4 апреля), на котором представители 37-ми групп, относящихся к движению против ракет, планировали проведение основной демонстрации против президента Регана во время его визита в Бонн... 10 июня". Зеленые, участвовавшие в митинге, признавались, что они сами сотрудничали с коммунистами "в некоторых местных вопросах", но то, что произошло теперь в Бонне, было "скандальным" даже для них. "Коммунисты подчинили себе митинг полностью. Все это происходило при соблюдении будто бы демократических правил, но походило скорее на насмешку. Мы едва могли вставить слово". Митинг, на котором были представители таких групп, как Германская федерация студентов, Комитет евангелических студентов, Федерация германских молодежных групп и Германское общество мира, отвергло резолюцию, осуждающую советское вмешательство в Польше, советскую интервенцию в Афганистане, и делегаты отказались выразить поддержку "Солидарности". "Однако, они приняли подавляющим большинством резолюцию, осуждающую действия США в Центральной Америке, Ближнем Востоке, Южной Африке и других районах мира".

Еще раньше, в октябре 1981-го, пришло сообщение об аресте одного из лидеров движения за мир в Дании, Арне Петерсена, вместе с женой получавшего советские деньги для нужд движения за мир. Его хозяин, Второй секретарь советского посольства в Копенгагене был изгнан из страны. Время от времени мы слышим о субсидированных поездках для активистов движения на лучшие курорты СССР, где их

обслуживают по-королевски и, конечно, показывают детские садики, школы и больницы (а не военные заводы).

Без сомнения, большинство участников европейского движения за мир с этими фактами не знакомо. Возможно, они пренебрегут заявлениями Зеленых, так же, как они просмотрели сообщения о деятельности г-на Петерсена, помещавшего платные объявления (на советские деньги) датского движения за мир в датских газетах, подписанных многими заметными датскими интеллектуалами (которые, безусловно, ничего об этом не знали). Даже наши сердитые лидеры СНГ "не знали ничего о субсидированных поездках на советские курорты" ("Таймс", 9-го декабря 1981). Что ж, иногда это очень удобно, даже для профессиональных интеллектуалов, не зная определенных вещей...

Для тех же, кто хочет знать, давайте проследим источник нынешнего чудесного возрождения "борьбы за мир". Читатель не слишком удивится, после всего сказанного выше, обнаружив самые ранние следы этого возрождения в советских публикациях, вполне ясные для тех, кто знает как их читать:

"В изумрудную зелень софийских парков впелелись первые яркие краски осени. Трепещут на ветру золотистые листья кленов и осин. И всюду нежно-голубые стяги с эмблемой Всемирного Совета Мира. София в ожидании важного события. Здесь с 23-го по 27-е сентября будет работать Всемирный парламент народов за мир – самая крупная и представительная за последние годы встреча мировой общественности, созданная по инициативе Всемирного Совета Мира" ("Известия, 23 сентября 1980 года).

В тот же день "Правда" охарактеризовала это событие как "крупнейший за всю историю слет борцов за мир". И правда, самая мирная и независимая страна в мире, Болгария, принимала в эти дни 2260 гостей из 137 стран, представляющих по их утверждению, 330 политических партии, 100 международных организаций и более 3000 неправительственных национальных организаций. Не подумайте, это не было просто очередным съездом международного коммунистического движения. Политический спектр был представлен исключительно широко: 200 членов различных парламентов, 200 профсоюзных лидеров, 129 ведущих деятелей социал-демократии (из них 33 члена своих национальных исполкомов), 150 писателей и поэтов, 33 представителя различных "национально - освободительных" движений (включая такие, как

Ассоциация в защиту гражданских прав в Северной Ирландии), представители женских организаций (как Национальная Ассамблея Британских Женщин), молодежных организаций, Всемирного Совета Церквей и других религиозных организаций, 18 представителей различных специализированных комитетов и комиссий ООН, представители Организации Африканского Единства и ОПЕК, бывшие военные, некоторые из них генералы и адмиралы и представители 83-х коммунистических партий ("Правда", 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29 сентября; 5 ноября 1980 года; "Известия", 23, 24, 27, 28 сентября 1980 года).

Фактически же, все это началось "уже свыше года назад", как радостно сообщает нам на страницах "Правды" словоохотливый болгарин, председатель организационного бюро Всемирного парламента народов за мир, Георгий Димитров-Гошкин, ответственный за "практическую подготовку" этого спектакля ("Правда", 23 сентября 1980). Такой успех, такой успех! Видите ли, еще месяц назад они ожидали только 1500 делегатов, приехало же более 2200. А ведь больше года готовились!

Далее, как сообщает товарищ Живков, главарь болгарских коммунистов, который открыл этот "парламент" длинной речью, соответствующее решение было принято в мае 1980 года Политическим консультативным комитетом государств – участников Варшавского договора ("Правда", 24 сентября 1980 года), а также соответствующей резолюцией Пленума ЦК КПСС в июне 1980 ("Правда", 29 сентября 1980). Это просто показывает нам, как ранее принятое Кремлем решение шло через машину коммунистической бюрократии, чтобы быть в конце концов проштамповано сверху. Тем временем, "практическая подготовка" была уже в стадии завершения. Затем, этот "парламент" в сентябре, раздутый советским руководством и прессой в событие исключительной важности.

В действительности весь этот спектакль был удручающе знаком, поставленный кремлевскими режиссерами по сталинскому сценарию. Даже главные исполнители были те же самые. Все тот же недоброй памяти Всемирный Совет Мира во главе со своим бессмертным руководителем Рамеш Чандра, все тот же главный дирижер Пономарев (бывший коминтерновец, ответственный теперь в Политбюро за контакты с братскими компартиями и за подрывную деятельность против демокра-

тии). Даже лозунг ими выдвинутый был удивительно похож на незабвенные слова товарища Сталина в 1952 году, которыми эта статья начинается:

”Народы в силах отстоять мир — свое первейшее право!”

Только на этот раз товарищ Пономарев огласил миротворцам личное послание товарища Брежнева, а не товарища Сталина. Тот, конечно же, не потерпел бы в основном лозунге никакого упоминания о правах, первейших или второстепенных. Что ж, времена пошли другие. Эти чертовы права человека стали слишком модными, слишком вредными. Отсюда идея ”первейшего” права. Но уж не звучит былой уверенности, былого железа в голосе. Эх-ма! Не повезло им со Сталиным. А то бы как хорошо сейчас: ”Мир будет сохранен и упрочен...”

Первым выступал Живков и выболтал вполне откровенно реальные причины советского беспокойства (”Правда”, 24 сентября). Агрессивные круги США не желают признать баланс сил, сложившийся на мировой арене. Не желают принять свое исторически-неизбежное поражение. Они настолько зарвались, что отвергли все недавние советские мирные предложения.

”Определенные и хорошо известные круги бряцают оружием, пытаются проводить политику ”с позиции силы”, не соблюдают соглашения о сотрудничестве, блокируют политические и экономические контакты, обмен культурными и научными ценностями, спортивные и туристические связи. Народы встревожены действиями правящих кругов США...” (имеются ввиду зерновое эмбарго, бойкот Олимпийских игр, научный бойкот и т.д., то есть реакция мира на вторжение в Афганистан и на репрессии ученых в СССР).

Как же реагировали все эти 2260 представителей социал-демократов, профсоюзных, женских, молодежных и религиозных организаций? Бросились они с отвращением вон? Потребовали вывода советских войск из Афганистана, чтобы устранить основную преграду разрядке или, быть может, они выразили озабоченность советской гонкой вооружений и установкой ракет СС-20? Нет. Этот самозванный ”Всемирный Парламент”

Конечно, стоило мне указать на это странное совпадение (”Таймс”, 4 декабря 1981), чтобы вызвать горячие споры и ”опровержения”. Советские в ”Литературной Газете” (23 декабря) и лидеры СНД (”Таймс”, 9 декабря) постарались максимально использовать тот факт, что вышеупомянутая неделя разоружения была первоначально объявлена Генераль-

ной Ассамблеей ООН в июне 1978 года. Что ж, возможно, кому-то голубой фразг Объединенных Наций может показаться удачным прикрытием. Однако, почему же буквально ничего не произошло в мире в течение столь важной недели в 1978 или в 1979 годах? Даже митинг в Софии был назначен на сентябрь, а не на октябрь 1980). Стоило, однако, советским запланировать эту неделю в своей программе (см. "Хартию Всемирного Парламента Народов за Мир", "Правда", 28 сентября 1980) и в тот же год эта неделя ознаменовалась массовыми демонстрациями по всему миру. Более того, пролистав "Заключительный документ сессии Генеральной Ассамблеи по вопросу разоружения (23 мая — 1 июля 1978)", изданный ООН, мы обнаружим сотни "недель", "месяцев", "лет" и даже "десятилетий", посвященных миру и полностью игнорированных нашими миролюбцами, но только те из предложений, которые были включены в советскую программу, почему-то смогли собрать тысячи демонстрантов. Например, слышал ли кто-нибудь, что десятилетие между 1969 и 1979 было торжественно объявлено ООН "Десятилетием разоружения"? Заметил ли кто-либо громадные митинги и особенно энергичные кампании за эти десять лет?

Нужны ли еще какие-нибудь объяснения, почему Советский Союз так заинтересован в движении за мир? В партийном жаргоне существует такое выражение как "полезный дурак", запущенное в обращение еще Лениным. И вот теперь, несмотря на все свои ошибки, бессмысленные авантюры, экономические катастрофы, польский кризис и упрямое сопротивление афганских крестьян, регановские планы перевооружения и резолюции ООН, советские правители одержали внушительную победу: они нашли миллионы "полезных дураков" для осуществления своей обанкротившейся внешней политики. Они больше не в изоляции, и еще большой вопрос, позволят ли американцам разместить свои ракеты в Европе. Американская экономика значительно более эффективна, но у американцев нет такого оружия, как "борьба за мир". Конечно же, это движение будет дорого стоить советским людям (один только митинг в Софии должен был стоить им миллионы, не говоря уже о субсидированных поездках активистов на лучшие советские курорты; стоимость проведения такой всемирной кампании должна быть просто астрономической), однако это все же дешевле, чем еще один круг в гонке вооружений, не говоря уже о бесценном военном превосходстве. И результат будет

чувствоваться долго. Заметьте, это еще только второй год "борьбы за мир" из десяти запланированных. Через несколько лет земля будет дрожать под ногами "полезных дураков", ибо "запасы" их неистощимы.

Помнится, в 50-е годы, когда предыдущая кампания за мир была еще в полном разгаре, был такой популярный анекдот в Советском Союзе: "Пришел еврей к раввину и спрашивает: "Реббе, ты мудрый человек. Скажи мне, война будет или не будет?" "Войны не будет, — ответил раввин, — но будет такая борьба за мир, что камня на камне не останется".

2. Сущность советской угрозы и западная реакция.

Одна из наиболее существенных ошибок западного движения за мир верят, что им удалось найти "новый подход", делающий дорогого друга Вилли Брандта? Англию, с ее крошечной армией рассматривать проблему мира в отрыве от контекста более широких проблем отношений между Востоком и Западом. Слушая несколько десятилетий, как они считают, "антикоммунистическую пропаганду", они не желают слышать больше ничего плохого об СССР, автоматически приписывая это проявлениям "холодной войны" и даже не пытаются разобраться. Это отношение, которое можно охарактеризовать как смесь высокомерия и невежества, делает их легкой добычей любой псевдо-теории (или даже прямой советской пропаганды), которая окажется модной в данный момент. А кроме того, запутавшись в бесконечных и противоречивых спорах "специалистов" о природе советской системы, лидеры движения за мир верят, что им удалось найти новый подход", делающий весь этот спор несущественным.

Но давайте возьмем пример существенный для нынешней нашей темы. Давайте возьмем ключевой вопрос: почему Советский Союз столь агрессивен, так стремится к экспансии, и мы увидим как много ложных теорий понастроили "специалисты".

Некоторые считают, что нынешний советский экспансионизм это всего лишь продолжение русской дореволюционной колониальной политики. Так сказать, дурное наследие. И правда, эта концепция была господствующей долгое время (а кое-кто и сейчас в нее верит). Благодаря этой концепции периодически делались попытки предложить советским раздел мира на сферы влияния. Мы обязаны этой концепции Ялтинскими и Потсдамскими соглашениями, а также целым рядом

других бедствий. Конечно же, каждый раз советские охотно соглашались на раздел сфер, проглатывали свою долю, а потом принимались за чужую. Поступали ли они так оттого, что нуждались в минеральных ресурсах, территории, рынках сбыта? Нет. Их собственная территория остается неразвита, а минеральные ресурсы не добыты и товаров им не хватает для собственного населения. С другой стороны, на Кубе или в Афганистане нет никаких полезных ископаемых, достойных упоминания. Нет никаких русских национальных интересов в Анголе или Вьетнаме. В действительности эти новые "колонии" стоят советскому народу миллионы долларов в день каждая. Ну, разве можно назвать это классическим колониализмом?

Есть и другая теория, значительно более зловредная, потому что она воспринята более широкими кругами на Западе, а чтобы понять ее ложность, нужно действительно хорошо знать советскую реальность. Я имею ввиду теорию, согласно которой советская агрессивность вызвана страхом перед "враждебным окружением". Сторонники этой теории утверждают, что по историческим причинам, в результате многочисленных вражеских нашествий, особенно в течение последних 100-200 лет, в нашем народе возник почти параноический страх перед внешней угрозой. Эта теория внешне вполне правдоподобна и, при желании, можно найти много фактов как бы ее подтверждающих. На самом же деле это всего лишь хитроумная комбинация очевидной лжи, неверных интерпретаций и поверхностного знания вопроса. Прежде всего, она основана на переоценке значения истории в жизни народа и упрощенного представления о советской системе. Начнем с очевидной лжи, заключенной в этой теории, а именно — умышленного объединения желаний народа и желаний правительства в СССР. Те, кто знает нашу систему хотя бы поверхностно, конечно, помнит, что народ у нас не имеет чести быть представленным в правительстве. Проще говоря, у нас нет свободных выборов и, стало быть, правительство не обязано выражать чувства населения. Таким образом, если мы даже поверим, что население так напугано бесконечными вторжениями, у правительства нет никаких причин разделять эти страхи. Советское правительство прекрасно осведомлено через свою огромную и вездесущую разведслужбу о малейших намерениях Запада (что, согласитесь, не слишком сложно при удивительной открытости Западных обществ). Кого, например, они так напугались в середине 70-х годов, когда в СССР резко усилилась гонка

вооружений? Своего лучшего друга Жискара? Или еще более дорогого друга Вилли Брандта? Англию, с ее крошечной Армией (и вечным стремлением к одностороннему разоружению)? Или, может быть, Никсона с Картером, совместными усилиями зарезавших все программы перевооружения? Японию, у которой вообще нет армии?

Фактически, эта теория и не говорит о напуганном правительстве, а скорее о напуганном народе, который в "нормальной" стране мог бы заставить правительство быть агрессивным. Но тут-то как раз и ошибка, т.к. народ в СССР ничего не значит и никак не может заставить правительство что-то делать (даже снабдить население мясом). Им даже не позволят говорить вслух о своих страхах. Так кто же у нас в СССР такой напуганный? Если же взять правителей, единственная война, которую они пережили никак их напугать не могла по очень простой причине: они эту войну выиграли. Может ли кто-нибудь показать мне победоносного генерала, который так испугался своей победы, что стал параноиком? Да сам психологический тип наших вождей совсем иной.

На деле, стоит лишь посмотреть на карту мира, чтобы понять, как нелепа эта теория. Можно ли поверить всерьез, что бедные коммунисты так перепугались, сидя в Кремле, что со страху защищают себя, посылая свои войска на Кубу, а кубинские – в Анголу? Посылая оружие и советников в Эфиопию и Вьетнам, а затем посылая вьетнамские войска в Камбоджу? И далеко не очевидно, глядя на карту, чтобы СССР был зажат в кольцо враждебного окружения. Скорее наоборот, Запад окружен коммунистическими ордами. Да и в любом случае, если их параноя может быть излечена только после установления коммунистического контроля над всем миром, какая нам разница, проглотят нас со страха или по расчету?

И наконец, самое важное для понимания этой зловредной теории состоит в том, что она была выдумана кремлевскими экспертами по пропаганде. Теория эта очень успешно эксплуатировалась в годы детанта, когда западные правительства, исходя из нее, сознательно позволили советским достичь военного превосходства. Вероятно, теперь они будут это отрицать, но я отлично помню аргументацию того времени. Идеологи детанта утверждали, что, достигнув превосходства, советские успокоятся, расслабятся, что приведет к внешнему и внутреннему расслаблению режима, т. е. к л и б е р а л и з а ц и и. Результаты этого блестящего эксперимента теперь налицо.

Нет, не страх нашествия, не похмелье Второй мировой войны заставляют советских правителей полстолетия вести необъявленную войну против всего человечества, а подтвержденная вновь и вновь на каждом съезде партии с начала этого века решимость режима поддерживать "силы прогресса и социализма", поддерживать "освободительные движения" по всей планете.

В таком случае, должны ли мы предположить, что цель советских правителей заключается в установлении мирового господства? Но даже и такая безумная на первый взгляд модель, еще слишком нормальна, чтобы быть правильной. Говоря точнее, она слишком упрощает дело. К счастью, слишком много фактов ей противоречат, и, в частности, тот факт, что ни один из нынешних советских вождей уже не верит в коммунистическую доктрину. К счастью для нас, ибо фанатик ни за что не потерпел бы уничтожения дела своей жизни. Скорее он предпочел бы уничтожить все человечество.

На деле, это полностью циничные люди, больше озабоченные своими привилегиями и удовольствиями, чем марксизмом. Вероятно, они ненавидят свою идеологию больше, чем любой западный капиталист. Да и большинство советских людей столь же цинично, как их лидеры. Искренне верующего коммуниста теперь можно найти разве что на Западе.

Так возникла абсолютная власть абсолютно циничной горстки людей над абсолютно циничным народом, уверяющих друг друга в своей искренней жажде строить идеальное общество будущего. Идеология же осталась существовать, но не в умах людей. Почти как в научной фантастике, идея отделилась от своего субстрата и окаменела в структурах общества. Она превратилась в институцию, которая не позволит никому (даже самому главному управляющему) отклониться от мертвой догмы. Воля миллионов остается сжатой в кулаке абстракции.

В этой стране практически нет свободных людей. Государство — единственный работодатель — никому не позволит быть финансово-независимым, точно так же, как и любая независимость не терпится в этой системе. Каждый должен исполнять "полезную" задачу, осуществлять нужную функцию. Притом, несколько систем тайной полиции и служб безопасности шпионят друг за другом и вместе — за всеми остальными. Неудивительно, что такая система породила человека "нового типа", который думает одно, говорит другое, а делает третье.

Огромная инерция этой системы тоже неудивительна. Например, теперь уже нет тех, кого можно назвать "классовым врагом", нет нужды терроризировать и загонять в лагерь миллионы людей. Тем не менее бесчисленные концлагеря продолжают существовать, ставши неотъемлемой частью экономической, политической и духовной жизни страны. Никто уже не верит теперь в окончательную победу коммунизма во всем мире, да никто и не хочет ее, но внешняя подрывная деятельность и необходимость всеми силами поддерживать "социалистические силы" стала неотъемлемой частью машины. Теперь уже система правит людьми.

Но есть и еще что-то более важное, чем инерция — инстинкт самосохранения правящей клики. Севши однажды на тигра, почти невозможно потом спрыгнуть с него. Попытка внутренней либерализации может оказаться роковой. Само количество ненависти, накопившейся в стране за 65 лет социалистического эксперимента огромно, результаты любой реформы настолько непредсказуемы, а, पुще всего, уничтожение самой власти этой клики и их сказочных привилегий (а то и физическое их уничтожение) настолько вероятны при ослаблении центральной власти, что трудно ожидать от них заигрывания с либеральными идеями. Только угроза неизбежной и скорой гибели может заставить советских правителей ввести серьезные внутренние реформы.

Две стороны советского режима — внутреннее угнетение и внешняя агрессия — неразрывно взаимосвязаны, создавая своего рода порочный круг. Чем больше режим гниет изнутри, тем больше усилий тратят правители, чтобы представить миру устрашающий фасад. Им нужна международная напряженность, как вору нужен покров ночи. В политической атмосфере скрытой гражданской войны, огромные и бессмысленные жертвы последних 65 лет, постоянные экономические трудности и отсутствие основных прав (как и сказочные привилегии правящей клики) могут быть оправданы только постоянной внешней угрозой и необходимостью с ней справиться, т.е. "враждебным окружением" и подрывной деятельностью "мирового империализма". В этой искусственно созданной военной ситуации, требование рабочим лучшей доли или требование нацией независимости будет немедленно расценено как "подрывная деятельность", как "игра на руку врагу".

Однако, недостаточно создать дьявола, чтобы поддерживать чистоту веры. Этот воображаемый враг должен постоянно

терпеть поражение, а то как бы лукавый не соблазнил не-твердых. Любой ценой нужно добиться поражения американского "империализма" и любыми средствами способствовать освобождению пролетариата в странах капитала. Стоит лишь не оказать помощи "братской стране" или упустить возможность установления коммунистического режима в созревшей для этого стране — и это неизбежно будет воспринято как слабость власти, а, стало быть, как добрый знак угрюмому и обозленному населению дома. Любая неудачная международная авантюра может начать цепную реакцию развала империи. Вот почему не могут они потерпеть народное восстание в Венгрии, "весны" в Праге, антикоммунистической "Священной войны" в Афганистане или второго полюса власти в Польше. Отзвуки почувствуются во всех остальных странах социалистического лагеря,

Вы можете любить или не любить свои профсоюзы, но хотите ли вы, чтобы они опасались иностранного вторжения каждый раз, когда возникает возможность большой забастовки (как это было в Польше на протяжении 18-ти месяцев)? Можно любить или не любить свою прессу, но хотели бы вы соблюдения ею строжайшей самоцензуры, дабы избежать гневной реакции могучего соседа (как это происходит в Финляндии)? Можно любить или не любить парламентскую систему, но, по крайней мере, вы свободны выбирать кого вам хочется, не принимая во внимание желаний иностранной державы. Никто не угрожает вам придти и навязать правительство со стороны (как в Афганистане). Природа же советской системы такова, что она не успокоится, пока вы не стали полностью им подобны.

Итак, мы приходим к очень важному заключению: альтернатива сейчас не "война или мир", а скорее "свобода или рабство". Мир и Свобода оказались неотделимы, а старая формула — "лучше быть красным, чем мертвым" — просто глупостью. Те, кто ей последует, будет и красным и мертвым. Хотим мы того или не хотим, не будет на земле ни мира, ни ослабления напряженности, ни плодотворного сотрудничества между Востоком и Западом до тех пор, пока советская система не изменится радикально.

Дошла ли эта очевидная и простая истина хоть раз до западных политиков? Сомневаюсь. В известном смысле можно понять озабоченность участников движения за мир. Стереотипное увеличение военных расходов и накопление новых желе-

зок каждый раз в ответ на очередное проявление советского комплекса "нестабильности-агрессивности" просто неадекватно. Как минимум, оно не достаточно. Это не изменит советской системы, не предотвратит советской экспансии, особенно в Третьем мире. Советская идеологическая война значительно тоньше большой ядерной дубинки. Начнем ли мы, например, ядерную бомбардировку Москвы, если завтра начнется восстание различных племен в Пакистане, инспирированное Москвой? Или если коммунисты захватят власть в Иране?

В мире достаточно "естественных" проблем, вызванных местными условиями. Но влияние Москвы немедленно превращает их в важные стратегические проблемы. Было бы бессмысленно пытаться решить их по всему миру военными средствами. Простая логика подсказывает, что нужно прежде всего покончить с источником основной проблемы мира — с советской системой. Мы должны найти эффективный способ помочь советскому населению в его стремлении к перемене. В конечном итоге, это самый большой союзник Запада.

К сожалению, Запад и до сих пор не оценил этого, продолжая постоянно укреплять советскую систему кредитами, технологией, торговлей. Зачем же советским беспокоиться и вводить рискованные внутренние реформы, если их нежизнеспособная экономика периодически спасается Западом? Запад еще достаточно богат, чтоб их выручать. Сибирь же, в свою очередь, достаточно богата газом, золотом, алмазами.

Так вот как понимается борьба за мир и свободу: люди на Востоке должны жертвовать своими жизнями, вы же не должны жертвовать своими доходами? Неудивительно, что польская армия не торопится бунтовать.

Фактически введение экономических санкций против польской военной хунты не просто одна из возможных мер в арсенале Запада, а их прямая обязанность по условиям Хельсинкского соглашения, суть которого — прямая связь между безопасностью, экономическим сотрудничеством и соблюдением прав человека. Если это уже забыто, кому нужен весь этот шум в Мадриде?

Говоря по правде, я не верю, чтобы дело было в забывчивости, так же как я не верю, что западные банкиры, промышленники и правительства настолько "глупы", чтобы привязать себя к советской колеснице по ошибке. Нет, это их сознательная политика, открыто проповедовавшаяся в годы детанта и скрыто исповедуемая теперь. Более того, это их

жизненная философия. Они большие любители стабильности, эти банкиры и бизнесмены. Они категорически против движений сопротивления в коммунистических странах, против самой перспективы освобождения поработенных народов Востока. Они верят, что спасают человечество от опасности реальной конфронтации, сознательно ограничивая возможности любого будущего правительства что-либо изменить, сохраняя таким образом навеки некоторый уровень международной напряженности и ядерной угрозы, но недостаточно большой, чтобы быть реально опасной. Они-то и есть величайшие миротворцы, гораздо более мощные, чем все эти толпы на улицах европейских столиц. Благодаря им мы постепенно спускаемся в Эпоху Тьмы.

111

Эта статья написана не для банкиров и не для правительств. Я не жду от них помощи. Несмотря на все резкости, я хочу, чтобы ее прочли искренние люди, всерьез обеспокоенные проблемами мира и свободы. Возможно, им многое не понравится из мною сказанного. И все же, я надеюсь, они поймут основное: мир еще никогда не был сохранен истерическим желанием выжить любой ценой, а красивые фразы и дешевые лозунги никогда ему не способствовали. Существует около 400 миллионов людей на Востоке, у которых украли свободу и обрекли на жалкое существование. Так уж получилось, что мир невозможен, пока они остаются в рабстве, и только с ним и (а не с их палачами) должны вы сотрудничать, чтобы обеспечить реальный мир на земле.

Ваши недавние массовые демонстрации были бедствием, потому что на них, вольно или невольно, вы отождествили себя с правителями Восточной Европы. Было огромной ошибкой с вашей стороны гнаться за широким объединением любых общественных (и правительственных) сил просто ради количественного эффекта. Эта ошибка должна быть исправлена, если мы хотим жить мирно и свободно. Мы должны различать друзей и врагов. Будем надеяться, что трагическая судьба Солидарности откроет глаза многим.

Ричард Д. Андерсон-младший

СССР И ПОЛЬША: КАК ПРИНИМАЮТСЯ РЕШЕНИЯ В МОСКВЕ

Введение в декабре 1981 года генералом Войцехом Ярузельским военного положения в Польше явилось кульминацией 16-месячных усилий советского руководства найти путь к восстановлению своего контроля над Польшей. Хотя усмирительная акция Ярузельского была продиктована внутренними польскими причинами, в том числе и его личными амбициями, она помогла также добиться цели, которая не выходила из умов советского руководства с конца лета 1980 года.

Нет никаких доказательств, подтверждающих, что советское Политбюро когда-либо вознамеривалось предоставить польским событиям идти своим чередом. Вместе с тем есть указания на то, что внутри Политбюро обнаружились разногласия в вопросе о том, каким образом взять под контроль польскую ситуацию. Поначалу, когда в июле 1980 года в Польше вспыхнули забастовки, советские лидеры были, по-видимому, уверены, что твердая позиция первого секретаря польской компартии Эдварда Герека поможет ему совладать с брожением среди рабочих. Однако по мере того, как забастовки распространялись по всей Польше, надежда на то, что Гереку удастся "сдержать пар в котле", становилась все призрачнее,

---

Richard D. Anderson, Jr. Soviet Decision-Making and Poland. (Problems of Communism, march-april 1982, vol. XXI)

Эта статья взята из журнала «Проблемы коммунизма» (март-апрель 1982 г.), издаваемого в Вашингтоне правительственным Агентством международных связей. **Ричард Д. Андерсон-младший** — известный специалист по оборонной политике США. В качестве аналитика советской военной политики он работал для Центрального разведывательного управления США.

тем более, что и аппарат компартии, видимо, вышел из-под его контроля. При таких обстоятельствах в конце августа 1980 года в Политбюро возникли разногласия по поводу наиболее действенного подхода к польской проблеме.

Некоторые его члены высказывались за удаление Герека и за назначение первым секретарем Польской Объединенной Рабочей партии (ПОРП) Станислава Кани, надеясь на то, что Кани сумеет проводить более гибкую политику по отношению к свободному профсоюзу "Солидарность", существование которого польские коммунистические власти признали, подписав 31 августа 1980 года Гданьские соглашения.⁽¹⁾ Очевидно, что покровители Кани в Москве всерьез и не рассчитывали на достижение подлинной договоренности с "Солидарностью". Просто линия на противоборство временно представлялась им малоэффективным вариантом и они полагали, что Кане удастся постепенно овладеть ситуацией. Сдерживание событий руками самих польских властей представлялось Москве более предпочтительным, чем прямая военная интервенция.

Однако и тогда — так же, как и теперь — было не ясно, окажется ли избранная стратегия действенной. И в самом деле, уже через несколько месяцев после прихода к власти Кани даже его сторонники в Москве вынуждены были признать, что у него не хватает политической власти для эффективного удержания "Солидарности" в тех рамках, на которое согласилось советское Политбюро при устранении Герека. После же публичной дискредитации Герека было уже невозможно вернуть на авансцену ни его самого, ни кого-либо из его сподвижников. Одновременно был дискредитирован и аппарат польской компартии, и кто бы его теперь не возглавлял, он уже не мог служить надежным орудием советской политики. У советских лидеров, которые скептически относились к примирительной линии Кани, оставалось не так уж много альтернатив. Одной из таких альтернатив была советская военная интервенция.

В течение польского кризиса Советский Союз дважды предпринимал дорогостоящую попытку к интервенции. СССР был приведен в состояние почти полной готовности к интервенции в декабре 1980, а затем в марте 1981 года. (В этой связи нелишне заметить, что в обычное время СССР не поддерживает боеготовность в масштабах, необходимых для установления контроля над Польшей. По этой причине подобного рода интервенция связана с необходимостью крупной предва-

рительной мобилизации резервистов, а также с развертыванием воинских частей). Однако в обоих случаях состояние повышенной боевой готовности было отменено.

Чтобы понять мотивы, лежавшие в основе этих решений, важно проследить действия Леонида Брежнева и его коллег по Политбюро. Из соответствующего анализа следует вывод, что некоторые советские лидеры явно маневрировали с целью добиться принятия выгодных им решений. Складывается твердое впечатление, что в вопросе о Польше политические руководители СССР в большей степени руководствовались личными расчетами, исходя из своих собственных интересов — то есть из соотношения сил в Политбюро — нежели соображениями о том, какие международные последствия могут иметь их действия.

Более того, когда вопрос об интервенции встал в повестку дня на Политбюро, возник фактор, который в процессе принятия чисто политических решений (связанных, например, с отстранением Герека) фигурировал, по-видимому, лишь косвенным образом. Этим фактором было высшее советское военное руководство. С командованием советскими сухопутными силами не могли не посоветоваться при планировании военного вторжения. (2) Тщательный анализ советской прессы и ознакомление с необычными перемещениями высшего командного состава в период, когда Политбюро взвешивало альтернативы, касающиеся Польши, позволяют заключить, что советское военное руководство сыграло сложную роль. В ряде важных аспектов эта роль отличалась от той, какую можно было бы ожидать, судя по новейшим западным публикациям по вопросу об отношениях между "гражданским" и "военным" секторами в СССР.

Перетряска высшего командования

Самым убедительным свидетельством разногласий в Политбюро в вопросе о военной интервенции в Польшу является основательная перетряска высшего командования советских сухопутных сил в декабре 1980 и январе 1981 года. В любой операции по усмирению Польши сухопутным войскам должна была быть отведена главная роль. Входящие в состав этих сил дивизии распределены по 20 военным округам на территории СССР и по "группам войск", расквартированных в Восточной Германии, Польше, Чехословакии и Венгрии. Во главе каждого

округа и каждой группы стоит командующий. Из числа его заместителей старшим считается не начальник оперативного отдела, а ” член Военного Совета и начальник политического управления”. На протяжении двух указанных месяцев были перемещены шесть командующих военными округами и группами войск, четыре начальника политических управлений и три генерала, занимавших ответственные посты в сухопутных войсках — в общей сложности таких перемещений было 13.

И про них нельзя сказать, что они были рутинными. Советские воинские уставы не предусматривают периодического обновления командного состава на столь высоком уровне. Кроме того, перемещенные генералы имели различный стаж службы на занимаемых должностях. По состоянию на ноябрь 1980 года двое из них прослужили на своих постах по 13 лет, а двое всего по два года (3).

С польским кризисом эти перестановки связывает как время, к которому они были приурочены, так и география. Из 10 высших постов в пяти военных округах и группах войск на границах с Польшей в пяти появились новые назначенцы. По сравнению со средними темпами перемещений за период с 1970 по 1976 годы это тройная норма. Перемещения начались в момент, когда мобилизация наземных войск на границах с Польшей достигла своего апогея. (7 декабря американское правительство поспешило заявить, возможно, преждевременно, что советские войска полностью готовы к вторжению.) О первом перемещении стало известно 4 декабря.(4) Речь шла о генерале Е.Ф.Ивановском, который был переведен с поста командующего группой советских войск в Восточной Германии в штаб Белорусского военного округа. Наиболее высокопоставленным военным чином, которого коснулась эта перетасовка, был генерал И.Г.Павловский — командующий сухопутными силами и заместитель Министра обороны. В последний раз он появился на публике 2 декабря. (5) Заменял его генерал В.И. Петров, прибывший в Москву 10 декабря. До этого В.И.Петров занимал пост командующего войсками на китайской границе, где его сменил генерал В.Л.Говоров. Командование Московским военным округом, которое до этого осуществлял Говоров, теперь принял на себя генерал П.Г.Лушев.(6) Заместитель Павловского по политической части генерал С.П.Васягин был освобожден от своих обязанностей в период между 11 и 18 декабря, а остальные перемещения продолжались до конца января 1981 года. (7)

Каждый из пяти военных, выдвинувшихся в результате этих перестановок, в той или иной степени был связан с Брежневым. Петров, по свидетельству "Красной Звезды" в декабре 1978 года по случаю своего назначения на только что учрежденный пост командующего войсками на китайской границе, удостоился чести быть лично принятым Брежневым. (8) Говоров предыдущие восемь лет провел в Москве, где у него была возможность установить тесные взаимоотношения с генералом К.С.Грушевым, другом семьи Брежнева на протяжении 45 лет (эта дружба была расписана в "Красной звезде"). (9) Генерал М.М.Зайцев, занявший после перевода в Восточную Германию один из наиболее престижных командных постов, впервые выбился в командующие военным округом в 1976 году после того, как Брежнев сделал Д.Ф.Устинова министром обороны. (10) Новый командующий Московским военным округом Лушев и новый заместитель командующего Сухопутными силами по политической части генерал М.Д.Попков были выдвинуты с малозаметных должностей, которые оба занимали в Среднеазиатском военном округе. Их партийные характеристики, выданные в связи с повышением по службе, должны были быть подписаны ни кем иным, как Д.А.Кунаевым, первым секретарем компартии Казахстана и протеже Брежнева, управляющим прежней брежневской политической вотчиной. (11)

Наиболее бросающееся в глаза различие между выигравшими и проигравшими от этой перетасовки то, что никто из проигравших в последнее время не удостоился благосклонного вмешательства Брежнева, которое повлияло бы на их карьеру. Больше других проиграли Павловский и Васягин, продержавшиеся на своих должностях в течение 13 лет, а также Ивановский и его заместитель по политчасти генерал И.С.Медников, служившие в Германии соответственно с 1972 и 1971 года. Перевод Ивановского из Восточной Германии в Белоруссию, а Зайцева из Белоруссии в Восточную Германию означал понижение для первого и соответственное повышение для второго. Аналогичным образом и Медников, бывший начальник политуправления в Восточной Германии, переведенный в Прибалтийский военный округ, оказался в проигрыше по сравнению со сменившим его генералом И.С.Губиным, который до этого возглавлял политрабату в Прибалтийском округе. (12)

Эти признаки протезирования не выглядят особенно явными по сравнению с протезированием при назначении на "гражданские" политические посты. Не следует, однако, забывать,

что нам мало что известно о назначениях на посты ниже уровня военного округа. Заметим также, что протезирование при назначении на военные посты должно отличаться от протезирования в гражданских организациях, поскольку политики обычно не располагают опытом руководства военными организациями. Таким образом, цепочка областных-республиканских-всесоюзных постов, столь заметная у советской политической элиты, не обнаруживается аналогичным образом в отношениях между политическими лидерами и высшим военным командованием и, возможно, не является столь уж существенной для военной карьеры.

Подготовка к интервенции

Предположение, что такое сочетание выигравших и проигравших было не случайным, усиливается целым рядом других соображений. Прежде всего, назначения на уровне военного округа и выше, как следует полагать, входят в номенклатуру Центрального Комитета, из чего напрашивается вывод, что указанная серия перемещений была произведена по решению Политбюро. Более того, имеются косвенные признаки того, что эта перестановка кадров была взаимосвязана с другими решениями, касающимися Польши, а именно, с решениями о мобилизации войск для военного вторжения, а затем об отмене вторжения.

Пик боевой готовности пришелся на декабрь 1980 года, а ему предшествовал неизбежный период подготовки — призыв резервистов, развертывание резервных частей, мобилизация гражданского автомобильного транспорта, переподготовка, а также приведение в состояние готовности запасной военной техники. Мы не имеем возможности с точностью определить, сколько времени продолжался этот период, укажем лишь, что американские официальные лица начали информировать корреспондентов о военных приготовлениях на границе с Польшей в последнюю неделю ноября. (13) Логично предположить, что американское правительство получило информацию об этих приготовлениях до того, как оно начало информировать корреспондентов, а советское решение о мобилизации предшествовало первым явным признакам военных приготовлений. Продолжая этот ход рассуждений, можно заключить, что решение о вторжении было принято не позднее середины ноября. Это подтверждается и косвенными указаниями в советской

прессе на то, что вопрос об интервенции обсуждался и вызвал разногласия. 17 ноября в "Правде" была опубликована статья о гражданской войне, в которой содержались такие строки: "Разногласия между главнокомандующим и командующими фронтами" были разрешены путем принятия решения о "мобилизации... срочных мерах по укреплению армии".(14) В той же статье содержались и весьма прозрачные аналогии: Брежнев был упомянут как верховный главнокомандующий (15), фронтами же, как было указано, станут в случае военных операций штабы военных округов.

В статье "Правды", если она и в самом деле имела отношение к мобилизации, которая в ближайшем времени стала заметна на границах с Польшей, не было намеков на то, удалось ли верховному главнокомандующему преодолеть сопротивление командующих фронтами или же они одержали верх. Были и другие признаки. 14 ноября в "Правде" появился некролог заместителя министра обороны, под которым отсутствовала фамилия секретаря ЦК Михаила Суслова — впервые за долгие годы он не подписал некролог военного деятеля такого ранга. (16) Примечательно и то, что фамилии двух ответственных сотрудников ЦК, курирующих вооруженные силы, были представлены в некрологе не после первых заместителей министра и перед фамилиями других его заместителей, как обычно, а в числе заместителей министра. (17) Можно было предположить, что так же, как и Суслов, они потерпели некую политическую неудачу.

Далее, 16 ноября отставной генерал Д.Д.Лелюшенко, один из героев Второй мировой войны, выступил в "Красной Звезде" со статьей о польско-советской войне 1920 года. Обычно эта война упоминается в советской прессе только вскользь из-за очевидной неловкости обсуждения войн со странами, с которыми в настоящее время СССР поддерживает тесные отношения. Таким образом, сам факт опубликования этой статьи, по видимому, явился отражением мрачной оценки польской ситуации, по крайней мере, в некоторых кругах советской иерархии. Если эта статья действительно представляла точку зрения только одной фракции, выбор автора в качестве выразителя ее мнения был безусловно удачным. Даже если бы высказанное им не совпало с окончательно принятым решением, его авторитет послужил бы достаточной защитой от последующих нападок. Пост, занимаемый Лелюшенко, чисто декоративный, и преследование со стороны бюрократического аппарата мало

чем могло ему повредить. Как бы то ни было, но замечания Лелюшенко о ситуации 1920 года прямо перекликалось с польским кризисом 1980 года. Свою точку зрения он подкрепил цитатой из Ленина: "Война с Польшей нам была навязана". (18)

Из текста статьи Лелюшенко невозможно было установить, от чьего имени он выступал. Хотя по опыту известно, что генерал, печатающийся в "Красной Звезде", отражает мнение других генералов, это правило не является настолько безусловным, чтобы исключить возможность того, что в данном случае генерал Лелюшенко мог быть выразителем точки зрения Брежнева. Однако действия Брежнева в конце ноября как будто бы противоречат мнению о том, что он выступал в поддержку интервенции.

Одним из классических приемов дипломатии является оказание воздействия на внутривнутриполитические дебаты посредством проведения встреч с тщательно подобранными иностранными деятелями, которые являются источниками информации, благоприятной для одной из сторон, участвующих в этих дебатах. В дипломатических встречах Брежнева в этот период акцент был сделан на потенциальные издержки интервенции. 26 ноября Брежнев принял сенатора Чарльза Перси, вскоре после этой встречи ставшего председателем комиссии по иностранным делам Сената США, который сообщил, что уполномочен новой администрацией Рейгена выразить заинтересованность в возобновлении переговоров об ограничении вооружений, прерванных после того, как президент Джимми Картер свернул обсуждение о ратификации договора ОСВ-2 в ответ на советское вторжение в Афганистан. Перси недвусмысленно предупредил, что вторжение в Польшу похоронит всякую надежду на новые соглашения. (19) Также в конце ноября Брежнев подтвердил свое намерение посетить Индию. Вторжение в Афганистан создало внутривнутриполитические и дипломатические трудности для индусов, и Брежнев мог ожидать, что во время предварительного обсуждения его визита они будут высказывать свои претензии по поводу нахождения советских войск в Афганистане. (20) Поскольку советская военная пропаганда изображала Афганистан и Польшу как составные элементы плана западных империалистов по захвату СССР в клещи, подобные нарекания неизбежно вызвали бы у советских деятелей ассоциации с Польшей.

На протяжении многих лет дипломатия является весьма деликатным предметом в отношениях между советскими воен-

ными и политическими лидерами. Так, например, покойный маршал А.А.Гречко регулярно расходился с Брежневым в вопросе об удельном весе дипломатии и военной мощи в деле убеждения западных государств в преимуществах разрядки. (21) В свете прошлых разногласий относительно роли дипломатии примечательно, что "Красная звезда" сочла возможным писать о риске дипломатических усилий в то самое время, когда Брежнев проводил эту серию встреч. Газета ссылалась на авторитет Фридриха Энгельса в подтверждение того мнения, что "военные шаги не должны ставиться в зависимость от желаний и планов дипломатов, но должны подчиняться своим собственным правилам, нарушение которых способно поставить под угрозу всю операцию". (22) "Красная звезда" поместила также сообщение о речи генерала М.М.Козлова, давнишнего сподвижника командующего силами Варшавского договора маршала В.Г.Куликова. На одной из церемоний, посвященной памяти русского полководца А.В.Суворова, генерал Козлов в присутствии маршала Куликова осудил "преклонение перед иностранными 'авторитетами'". (23)

Сопоставление брежневских приемов и визитов с нареканиями военных по поводу дипломатии не дает твердых оснований делать вывод о том, что надежды на переговоры о разоружении или озабоченность реакцией Индии сыграли сколько-нибудь важное значение при обсуждении Советами польской проблемы. Скорее можно утверждать, что Брежнев избрал дипломатию в качестве средства дать знак своим сторонникам в Политбюро, чтобы они сопротивлялись давлению в пользу интервенции. Стиль брежневского руководства делал такие сигналы необходимыми. Сам Брежнев воздерживается от занятия твердой позиции в спорных вопросах. По некоторым сведениям, он выслушивает точки зрения других членов Политбюро, а затем подводит общий согласованный итог. (24) Учитывая такую его отстраненную манеру, возможно, что для достижения своих целей он пользуется подобным косвенным способом для выражения своих пожеланий.

Таким образом, решение о мобилизации, принятое в середине ноября, возможно, и не представляло собой прямого поражения Брежнева. Наоборот, он мог таким способом удовлетворить встревоженных генералов и членов Политбюро, которые использовали очевидную слабость Кани в качестве предлога для принятия более жесткой линии, в то время как Брежнев организовывал сторонников противоположной точки зрения.

Обратный ход

Пока члены Политбюро маневрировали, в первых числах декабря одно за другим последовали события, разрядившие ситуацию и ослабившие нажим в пользу вторжения. 1 декабря состоялся пленум польской компартии, на котором, как ожидалось, в Политбюро могли быть избраны сторонники реформ. Однако, вопреки ожиданиям, пленум завершился укреплением позиций консервативных членов ЦК. (25) В тот же день советский министр обороны Устинов выехал в Бухарест на совещание министров обороны стран Варшавского пакта, которое продолжалось до 3 декабря. Обстановка на совещании была такова, что ТАСС в отчетах был вынужден прибегнуть к стандартным формулировкам, указывающим на наличие разногласий: "Обсуждения проходили в деловой обстановке... в духе дружбы и взаимопонимания". (26) Мы не можем сказать, поддержал ли Устинов чехов и восточных немцев, выступавших за интервенцию, или же венгров и румын, возражавших против нее, но показательно, что, пока министры препирались в Бухаресте, румынский министр иностранных дел Стефан Андрей вылетел в Москву для встречи с Брежневым 2 декабря. Можно предположить, что Брежневу вновь пришлось выслушать из уст румынского министра давние возражения президента Николае Чаушеску против советской интервенции в Восточной Европе. Брежнев сумел дать заверения, достаточные по крайней мере для того, чтобы Чаушеску согласился прибыть в Москву на совещание высших руководителей стран Варшавского пакта, созванное без предварительного уведомления 5 декабря. Остается только гадать, сумел ли Брежнев дать гарантию, что совещание выскажется против интервенции, или же он настаивал на присутствии Чаушеску с целью укрепить позиции противников интервенции.

Тем временем приступили к проведению мер, которые должны были предопределить исход совещания на высшем уровне руководителей стран Варшавского пакта. Как мы уже отмечали, перемещение военачальников началось с отзыва генерала Ивановского 4 декабря. В это же самое время, то есть примерно 2 декабря, повидимому, было вынесено решение об удалении генерала Павловского и о других безотлагательных переменах (связанных с перемещением Петрова, Говорова и Лушева). (27) Далее, участники совещания в верхах с советской стороны выбирались из числа противников интервенции.

Среди них оказался и секретарь ЦК Суслов, несмотря на его политический просчет во время мобилизации. В то же время секретарь ЦК Андрей Кириленко, несмотря на свою активную причастность к восточноевропейским делам, в состав делегации включен не был. В начале сентября Кириленко тайно встречался с польским лидером Герексом, пытаясь в последний момент воспрепятствовать осуществлению только что подписанного Гданьского соглашения, открывшего путь к созданию "Солидарности". В октябре Кириленко ездил в Чехословакию, где официальные лица настаивали на советской интервенции в Польшу. (28)

В результате этих усилий московское совещание на высшем уровне одобрило политическое разрешение польского кризиса, при поддержке польской компартии. Из чего следовало, что внешняя военная интервенция была отвергнута.

Разумеется, можно возразить, что решение совещания на высшем уровне в Москве не означало перемены курса. По мнению некоторых экспертов, мобилизация на границах Польши никогда и не замышлялась как подготовка к настоящей военной интервенции — передвижение войск будто бы было частью плана, предусматривавшего усиление политического нажима на польское руководство.

Хотя полностью отрицать такую вероятность невозможно, она опровергается рядом соображений. Накануне совещания в верхах стран Варшавского пакта восточногерманские официальные лица получили указание информировать западного журналиста Теда Шульца о том, что вторжения следует ожидать в конце декабря. Конечно, в тот момент интервью с Шульцем могло быть еще одним шагом в кампании нажима, но восточногерманские официальные лица продолжали передавать ту же самую информацию и после московского совещания в верхах, когда в этом уже больше не было необходимости. Более конкретно, они сообщили одному западному корреспонденту, что советское руководство обсуждало вопрос о вторжении в конце ноября и отвергло эту идею — именно на это время указывает устранение Павловского, дипломатические шаги Брежнева и подготовка к московской встрече в верхах. Кроме того, по свидетельству одного польского генерала, бежавшего на Запад в августе 1981 года, советским войскам был отдан приказ быть готовыми к выступлению к 15 декабря. Высказывались предположения, что в действительности Советы в момент созыва совещания на высшем уровне в Москве не были готовы

к выступлению. В политическом же плане концентрация войск вокруг Польши была бы более убедительной, если бы совещание в верхах совпало по времени с завершением военных приготовлений. Таким образом, московское совещание более похоже на попытку предотвратить решение о вторжении, нежели как звено в последовательной кампании нажима с целью эксплуатации военной угрозы.

Указания на политические разногласия равным образом ослабляют довод, согласно которому Советы старались усилить нажим на поляков, а не готовили на самом деле интервенцию. Предположение о разногласиях подкрепляется и последующим довольно прохладным одобрением решений московского совещания в верхах советским Политбюро. Из этого можно заключить, что отдельные члены руководства рассматривали принятые на совещании решения как недостаточные. (29) Если идея заключалась в том, чтобы запугать, тогда зачем же было подпускать туману? Если же, наоборот, Советы намеревались придерживаться тактики попеременного увещевания и грубого нажима, зачем бы им понадобились такие обходные маневры? И наконец, самым уязвимым пунктом предположения о том, что Советы рассчитывали только на оказание политического нажима, является то, что при этом не принимается в расчет неожиданное перемещение высшего командного состава.

Более правдоподобным представляется объяснение, что Брежнев на самом деле потерпел неудачу при решении вопроса о мобилизации, однако он, вероятно, сумел ловко прибегнуть к камуфляжу, сделав вид, что согласен с этим решением. Как мы уже подчеркивали, принятие решения о мобилизации стоило ему определенной утраты контроля за прессой и временной утраты влияния двух его давних сотрудников (курировавших вооруженные силы). Иначе трудно объяснить, зачем бы самому Брежневу понадобились эти меры. Гораздо более правдоподобным представляется предположение, что Кириленко выступил в поддержку генералов, настаивавших на интервенцию в Польшу, и что намек "Правды" на то, что они преодолели сопротивление со стороны Брежнева, представлял собой попытку закрепить политическую победу.

Проблемы мобилизации

Объяснение того, что Брежнев вновь оказался на коне, возможно, связано с одним фактом, о котором на Западе стало

известно только в феврале 1981 года. Один из корреспондентов в Москве получил информацию о том, что мобилизация в Прикарпатском военном округе, расположенном на границе с Польшей, сопровождалась невероятной неразберихой. Согласно этой информации, призванные на службу резервисты разбежались в таких количествах, что наказывать их не имело смысла, а воинские части беспорядочно перебрасывались с места на место. Если это сообщение соответствует действительности, оно многое объясняет. Эти осложнения, возможно, сыграли на руку тем политическим руководителям, которые возражали против интервенции, поскольку в случае ненадежности войск способность советской армии преодолеть сопротивление поляков оказалась бы ослабленной. Эти же осложнения, очевидно, могли дискредитировать и некоторых сторонников вторжения. На Павловском лежала личная ответственность за мобилизационную готовность Сухопутных сил. В то время, как отдельные члены Политбюро могли взять его под защиту, когда он высказался за вторжение в Польшу вопреки мнению Брежнева, он вряд ли мог рассчитывать на поддержку после того, как проявил явную нерасторопность при проведении мобилизации.

К сообщениям о неувязках с мобилизацией советских вооруженных сил, безусловно, следует относиться критически; тем не менее, достаточные подтверждения того, что произошел какой-то сбой, мы находим и в официальных советских источниках. В конце декабря "Красная звезда" стала уделять повышенное внимание проблеме боевой готовности. Критические статьи по поводу боевой подготовки вообще типичны для этой военной газеты, но когда происходят серьезные промахи, критике начинают подвергаться высший комсостав и более ответственные военные учреждения. 7 января в газете был опубликован отчет о совещании, на котором министр обороны выступил с предложениями, касающимися повышения "качества работы Генштаба и всего центрального аппарата" вооруженных сил. Хотя в отчете об этом совещании в основном содержатся "общие места", за этими общими местами часто скрываются весьма острые критические замечания. В частности, в нем приводится высказывание начальника Генштаба, который вынужден был признать, что "нам необходимо резко повысить уровень всей организационной работы, эффективность и оперативность всех командных эшелонов". (30)

Неделю спустя "Красная звезда" подвергла разносу высшее командование Группы советских войск в Германии. По сооб-

щению газеты, главный докладчик на партийной конференции этой Группы возложил ответственность за "различные недостатки", в том числе и за то, что "половина батальонов и одна треть рот" не смогла быть приведена в состояние боевой готовности, на "серьезные упущения в работе военных советов". (31) Поскольку военные силы функционируют только на уровне армий, военных округов и вышестоящих штабов, эта критика по сути дела была направлена лично против Иванова, переведенного в декабре на другую должность, и против Медникова, члена военного совета, ответственного за политработу, который был переведен на другую должность через две недели.

Критические замечания "Красной звезды" в основном сохранились в отчетах о партконференциях в штабах военных округов, которые обычно проводятся в декабре. Однако на сей раз вслед за декабрьскими прошли вторичные январские партконференции в связи с подготовкой к 26-му съезду КПСС. Произведенная Брежневым перестановка командных кадров открыла дорогу исключительно резкой критике, высказанной на этих партконференциях. Обычно, когда на партийных совещаниях в военных штабах выявляются "отдельные недостатки", советские источники имеют тенденцию подозревать начальника и его заместителя по политчасти в сговоре с целью сокрытия недостатков, за которые оба они несут ответственность. (32) Результатом серии перемещений было то, что командующие всеми оперативными группами на границах с Польшей оказались в одной упряжке с новыми заместителями по политчасти. (33) Для того, чтобы установилось взаимное доверие, необходимое для сговора, требуется время. Если Брежнев не мог обнаружить доказательства наличия проблем боеготовности, перетряска пар командующих и их замполитов оказалась весьма удобным средством для этой цели.

Следует отметить, что, с точки зрения Брежнева, развертывание кампании за усиление боеготовности имело ряд определенных преимуществ. Во-первых, оно способствовало устранению обнаруженных упущений. Интервенция в Польшу все еще могла потребоваться в будущем, и ее провал не был бы на руку никому из членов Политбюро. Во-вторых, очевидная желательность устранения любых неполадок в армии препятствовала возражениям остальных членов Политбюро против такой кампании. В-третьих, если отдельные военачальники настаивали на интервенции, то критика боеготовности должна была

послужить переключению их внимания с попыток повлиять на Политбюро на оправдание своей собственной деятельности. И наконец, продолжающаяся критика боеготовности должна была послужить средством для отражения новых требований мобилизации на границах с Польшей, поскольку она привлекла внимание к фактору риска, связанного с интервенцией. Таковы, как нам кажется, выводы, которые можно сделать из анализа кампании за повышение боеготовности в январе и феврале 1981 года.

Последствия

Когда в марте 1981 года была предпринята новая попытка провести мобилизацию советских войск, вновь обнаружилась связь между критикой состояния боеготовности и польским кризисом. Так например, начальник Главного Политического управления генерал А.А.Епишев, в ведении которого находится газета "Красная звезда", поставил свою подпись под статьей, предназначенной, видимо, положить конец критике состояния боеготовности. Хотя его собственный заместитель, генерал Г.В.Средин, незадолго перед тем выступил со статьей, в которой предостерегал от ущерба, причиняемого забвением проблем, Епишев в своей статье не упомянул о каких бы то ни было упущениях. (34)

26 марта правительство США объявило, что Советы полностью готовы к вторжению, однако в промежутке Главное Политическое управление получило указание опубликовать предписание, которое требовало "дальнейшего усовершенствования методов руководства войсками и обеспечения четкого и согласованного взаимодействия всех командных звеньев". (35) Как и обычно, вслед за предписанием Главного Политического управления последовала новая серия совещаний в штабах военных округов. На этих совещаниях выявились пробелы в подготовке войск в Белоруссии и в Восточной Германии, то есть в двух округах, имеющих существенное значение для успешных операций против Польши. (36)

И вновь советское руководство отменило мобилизацию. Вслед за тем Брежнев отправился во главе советской делегации на съезд чехословацкой компартии, а Суслов — на партийный съезд в Восточной Германии. Вряд ли можно считать случайным совпадением, что в качестве представителей на съезды партий, которые были двумя самыми рьяными сторон-

никами интервенции, были направлены главные советские сторонники сдержанности. Не лишне отметить, что именно из этих двух стран — Чехословакии и Восточной Германии — во время декабрьской перетасовки были отозваны советские военачальники.

Что состояние боевой готовности было далеко не удовлетворительным, было подтверждено в июле. В заключительном разделе своей статьи, опубликованной в журнале "Коммунист", начальник Генерального штаба маршал Н.Огарков подробно пишет о необходимости усиления мобилизационной готовности. Хотя мобилизация является одной из прерогатив генерального штаба, появление статьи начальника генштаба, касающейся мобилизационных проблем, в "Коммунисте" представляет собой из ряда вон выходящий случай. (37) В этой статье Огарков призывает к укреплению взаимодействия между военным командованием и органами власти на местах. Несогласованностью их действий, по-видимому, и объясняется то, что резервистам-дезертирам в Карпатском военном округе удалось избежать наказания.

Заключение

Рассмотрев отдельные частные моменты решений конца 1980 года о приведении войск в состояние боевой готовности к интервенции в Польшу и о последующей отсрочке интервенции, теперь будет целесообразно ознакомиться с выводами, которые вытекают из нашего исследования. Анализ советской политики, как правило, исходит из тезиса, гласящего, что решения Политбюро определяются интересами советского режима. Зигзаги при рассмотрении вопроса о советской интервенции в Польшу, так же, как и другие политические разногласия в Политбюро, дают основание предположить, что этот широко принятый тезис носит слишком общий характер и не годится для удовлетворительного объяснения процесса принятия решений в Советском Союзе.

Во-первых, Политбюро не может всегда и даже, видимо, достаточно часто придерживаться единодушного мнения относительно того, что наилучшим образом отвечает коллективным интересам его членов. Так например, даже когда мобилизация обнаружила наличие проблем у армий, сосредоточенных на границах с Польшей, сторонники интервенции могли выдвинуть тот аргумент, что неотложная необходимость восстановления контроля над событиями в Польшу перевешивает допол-

нительный риск, связанный с недостаточной боеготовностью. И есть некоторые подтверждения того, что этот аргумент действительно был выдвинут. 8 декабря, уже после окончания московского совещания в верхах стран Варшавского договора, когда войска все еще были сосредоточены на польских границах, ТАСС опубликовал сообщение о нападении членов "Солидарности" на верных коммунистов в польском городе Кельцы. Забастовка, во время которой якобы произошли эти нападения, в действительности состоялась несколько месяцев назад. Сообщение, видимо, было противоречивым, и ТАСС изъясил его на следующий день, и в советские газеты оно так и не попало. 12 декабря ТАСС перепечатал сообщение из польской армейской газеты "Жолнеж вольносци", в котором подчеркивалось, что Польша находится на пересечении "транспортных путей и линий коммуникаций", тянущихся в Восточную Германию. (38) Хотя это рассуждение могло появиться на страницах "Жолнеж вольносци" по целому ряду соображений, нельзя не упомянуть, что редакторы газеты встречались с сотрудниками Главного Политуправления, возглавляемого Епишовым. (39) Вполне возможно, что к обоим этим сообщениям приложили руку сторонники интервенции.

Во-вторых, даже когда выгоды определенной политики как будто бы распространяются на всех членов Политбюро, распределение этих выгод может быть настолько неравномерным, что для отдельных влиятельных лиц в его составе они начинают казаться издержками. Так, например, многие эксперты согласятся с тем, что доступ к западным кредитам представляет собой значительную ценность для всего советского Политбюро. Существенный риск резкого сокращения доступа к западным кредитам в долгосрочной перспективе для всего Политбюро являлся той ценой, которую пришлось бы заплатить за вторжение в Польшу. В то же время для Брежнева эта цена была более высокой, чем для некоторых из его коллег. Политика привлечения западных кредитов посредством компенсационных сделок, как, например, обмена труб на газ с Западной Германией, была связана с именем Брежнева. Некоторые члены Политбюро в прошлом возражали против такой политики, указывая на риск, связанный с отдачей советских природных богатств в залог иностранцам. Вторжение в Польшу могло бы повлечь за собой отмену или во всяком случае отсрочку сделки о поставке оборудования для газопровода. Если бы это произошло, это было бы неудачей для Брежнева и подтверждением правоты тех, кто возражал против сделок такого рода, как поставка

оборудования для газопровода. Подобный оборот дела, возможно, представлялся Кириленко как явный выигрыш, ибо Политбюро в таком случае оказалось бы вынужденным перебросить средства, предусмотренные для прокладки газопровода, на сооружение электростанций, которые курирует Кириленко. (40) Таким образом, уменьшил ли или увеличил риск отмены договоренности с Западной Германией о газопроводе привлекательность военной интервенции в Польшу, зависело от того, кто из советских лидеров рассматривал такую возможность.

В-третьих, члены Политбюро располагают разнообразными средствами, с помощью которых они могут манипулировать представлениями о том, что отвечает интересам Советов. Так, например, они могут преувеличивать выгоды и преуменьшать отрицательные моменты той политической линии, которую они отстаивают, и изображать в превратном свете политическую линию, против которой они выступают. Советская пресса является ценным источником для оценки внутриполитических дебатов в Советском Союзе именно потому, что в этих целях ею пользуются влиятельные фигуры. К примеру, в разгар польского кризиса один из авторов "Правды" высказал мысль, что Советский Союз может обойтись и без импорта американского зерна. (41) Поскольку сокращение поставок американского зерна в СССР последовало за вторжением в Афганистан, а после вторжения в Польшу было бы логично ожидать полного зернового эмбарго, высказывание о том, что в импорте американского зерна нет необходимости, уменьшало потенциальную цену, которую пришлось бы заплатить за вторжение в Польшу. Автор другой статьи в "Правде" выступил с предложением использовать в борьбе с лицами, отказывающимися работать, испытанное средство — сокращение рациона питания и обязательный физический труд. (42) Из этой статьи, опубликованной в тот момент, когда Лех Валеса призвал к пассивному сопротивлению в случае советского вторжения, следовал вывод, что угрозам Валесы можно противостоять и они не должны служить помехой для действий Советов.

В-четвертых, участники внутриполитических дебатов в отдельных случаях манипулируют решениями, прибегая к маневрам, которые, казалось бы, весьма отдаленно связаны или не связаны вообще с обсуждаемой проблемой по существу. Поднимая вопрос об интервенции, ее сторонники понимали, что по заведенному порядку вещей, Брежнев будет обязан прокон-

сультироваться с командующими соответствующих военных штабов, которые, по твердому убеждению сторонников интервенции, должны были безоговорочно высказаться в пользу вторжения. Контр-игра Брежнева заключалась в том, что он обратился к другой группе военных экспертов, которые пользовались его покровительством в прошлом и в награду за свою поддержку рассчитывали на дальнейшие благодеяния. Путем выдвижения таких генералов — Петрова, Зайцева, Говорова, Попкова — Брежнев превратил штаб Сухопутных сил из центра сторонников интервенции в центр ее противников. Однако выдвижение этих генералов само по себе было мало связано с достоинствами вторжения в Польшу.

В итоге складывается впечатление, что в процессе принятия решений выгоды той или иной политической линии для Политбюро в целом имеют меньшее значение по сравнению с ее положительными или отрицательными моментами для его отдельных членов. Более того, эти отдельные члены склонны формулировать свое отношение к различным политическим вопросам главным образом на основе личных расчетов. Поскольку каждый из них должен считаться с необходимостью поддержания власти Политбюро в целом, политические проблемы, способные значительно повлиять на коллективную позицию Политбюро, должно быть, поднимаются в редких случаях. Кроме того, интересы коллективного руководства являются всего лишь одним из элементов и, очевидно, не самым главным, в расчетах отдельных его членов.

Что касается Брежнева, то в его личных интересах было в период польского кризиса неизменно выступать за отсрочку интервенции до тех пор, пока не обнаружатся хотя бы какие-то признаки действенности альтернативных методов. О том, что Брежнев был заинтересован в оттяжке, можно судить по сообщениям, что Брежнев дал Кане время для наведения порядка до лета 1981 года — о достоверности этих сообщений свидетельствует инспирированная Советами попытка свержения Кани в середине лета и последующая передача власти Ярузельскому.

Это совсем не означает, что Брежнев был сочувственно настроен по отношению к реформистскому движению в Польше. Его послужной список не дает особых оснований подозревать его в идеологических или личных симпатиях к реформам коммунизма. Мой аргумент сводится лишь к тому, что, с точки зрения Брежнева, разрешение на какое-то время реформист-

ского движения было предпочтительнее по сравнению с интервенцией.

В разное время циркулировали слухи, что Брежнев возражал против вторжения и в Афганистан, и в Чехословакию. Отношение к подобным сообщениям было настроенным, и не без оснований. Не исключено, однако, что мы переоценили степень контроля за советской политикой, которым располагает Брежнев, и недооценили его политическое искусство, существенной особенностью которого является способность определять последствия, какие могут иметь для его личного авторитета те или иные проблемы, и способность добиваться благоприятного результата посредством маневрирования.

Поскольку Брежнев лично осуществлял политику в Восточной Европе посредством таких механизмов, как ежегодные встречи в Крыму на высшем уровне и прямая телефонная связь между всеми европейскими столицами и ЦК партии в Москве, за крах этой политики главная ответственность пала бы на Брежнева. Последствия утраты контроля над событиями в Польше очень быстро дали о себе знать, когда Брежнев оказался не в состоянии противостоять нажиму с требованием мобилизации советских войск. Но до тех пор, пока он сохранял хотя бы шанс на разрешение кризиса иным способом — типа карательной акции Ярузельского — Брежнев мог позволить себе отмахиваться от брожения в Польше как от мелкой заминки в последовательном процессе распространения советского могущества. Если бы потребовалась военная оккупация, ему был бы предъявлен гораздо больший счет.

С точки зрения его честолюбивых коллег, таких, как Кириленко, против которого работает его возраст, требование интервенции было целесообразным по целому ряду соображений. Ситуация, при которой Брежнев был бы вынужден давать объяснения Политбюро по поводу того, почему для исправления его политического курса в отношении Польши, возможно, понадобится интервенция, вероятно, вполне оправдывала даже очень крупный международный риск. Польский кризис одновременно сделал возможным нападки на Брежнева и путем оспаривания разумности ставки на разрядку как на краеугольный камень внешней и внутренней политики. Так например, истоки польского кризиса пытались объяснить чрезмерной зависимостью от западных кредитов, и если бы ликвидировать этот кризис оказалось возможным только с помощью военной силы, это послужило бы подтверждением providения тех, кто

с самого начала указывал на серьезный риск, сопряженный с разрядкой. Польский кризис явился мощным аргументом против разрядки, ибо трудности приспособления к западной технологии, подорвавшие польскую экономику, имели место и в СССР. Критика же политики Брежнева со стороны будущего Генерального Секретаря партии — в качестве первого шага к его замене — ни в коем случае не помешала бы в дальнейшем новому генсеку вновь начать добиваться западных кредитов.

И наконец, мой анализ процесса принятия решений, завершившегося отказом от военной интервенции, как средства разрешения польского кризиса, приводит к заключению, что роль советского верховного командования — как по отношению к Брежневу, так и к политике вообще — не укладывается полностью в формулу, согласно которой ”маршалы и генералы являются практическими исполнителями” политических решений, принятых ”наверху”. Скорее можно предположить, что круг лиц, входящих в верховное командование, очень четко представляет, какой политический курс отвечает их интересам, а также обладает достаточной волей и возможностями для направления политического курса в желательную сторону. Политические руководители пытаются контролировать генералов, отстаивающих нежелательный для них политический курс, посредством поощрения других генералов за их преданность путем контроля ЦК за назначениями. Члены верховного командования реагируют на это попытками войти в число доверенных лиц того или иного политического деятеля. Политическим деятелям такие отношения удобны, поскольку военачальники могут быть им полезны в их собственных честолюбивых политических целях. Таким образом, благодаря соперничеству в Политбюро перед генералами открывается определенный простор для маневрирования. И хотя бы на какое-то время и даже в столь важных вопросах, как польский кризис, политика становится побочным продуктом подобных маневров.

ПРИМЕЧАНИЯ

(1) 31 августа 1980 г. ”Правда” поместила в изложении ТАСС статью генерального секретаря коммунистической партии Соединенных Штатов Гэса Холла. В этом изложении не только были впервые упомянуты на страницах ”Правды” забастовки в Польше, в отличие от ”перебоев в работе”, но и впервые возлагалась ответственность за кризис на тогдаш-

нее руководство (т.е. на Герека). Из этого следовал косвенный вывод, что советское руководство больше не делает ставку на Герека. Однако не все советские лидеры заняли такую позицию. А.П.Кириленко возглавил советскую делегацию, которая встретила с Герекком в пограничном городе Беловежа (Сообщение в "Вашингтон Пост" от 5 сентября 1980 г. и в "Нью-Йорк Таймс" от 6 сентября 1980 г. Корреспонденция "Вашингтон Пост" была отправлена из Москвы, а корреспонденция "Нью-Йорк Таймс" из Варшавы; информация обеих газет была почерпнута из различных источников). Кириленко призывал Герека проявить твердость. Однако 6 сентября Герека сменил Каня, который был связан с гданьскими соглашениями, против которых возражал Герек. Каня, а не Герек представлял польскому ЦК представителей на гданьских переговорах, когда центральный комитет собрался для утверждения сделанной ими работы ("Нью-Йорк Таймс", 8 сентября 1980 г.) В отличие от Кириленко Брежнев немедленно выразил поддержку Кане, направив ему поздравительную телеграмму по случаю его избрания первым секретарем.

(2) "Прежде чем принять какое-либо решение по вопросам военного строительства, Центральный Комитет партии и Политбюро тщательно изучают положение в армии и флоте, консультируются с высшим командованием вооруженных сил, с наиболее видными специалистами". М.Г.Соболев и др. "Партийно-политическая работа в советских вооруженных силах", Москва, Воениздат, 1974 г., стр. 103.

(3) И.Г.Павловский и С.П.Васютин заняли руководящие посты в сухопутных войсках в конце 1967 г. В.И.Петров был направлен на границу с Китаем в декабре 1978 г. В это время он и два других генерала получили поздравление от Брежнева по случаю повышения. Д.Т.Язов был назначен на должность командующего войсками в Чехословакии 16 января 1979 г.

(4) Руководитель восточногерманской компартии Эрих Хоннекер устроил прием в честь отбывающего главнокомандующего Группой советских войск в Германии Е.Ф.Ивановского и его преемника генерала М.М.Зайцева 4 декабря 1980 г.

(5) Павловский находился в числе заместителей министра обороны, сопровождавших в аэропорту министра обороны Д.Ф.Устинова, направлявшегося в Бухарест на совещание министров обороны стран Варшавского договора. ("Красная звезда", 2 декабря 1980 г.)

(6) Лушев присутствовал на партконференции Московского военного округа вместо Говорова 10 декабря (Там же). 11 декабря 1980 г. Говоров был переведен на должность командующего войсками на китайской границе, которую до него занимал Петров. Его появление там впервые обратило на себя внимание, когда в прессе было напечатано сообщение о том, что он присутствовал – но не в качестве командующего округом – на партконференции в штабе Дальневосточного военного округа (там же, 27 дек.1980 г.). Фамилия Петрова фигурировала в числе лиц, подписавших некролог генерала В.М.Михалкина (там же, 12 дек. 1980 г.), на месте, которое обычно отводится для командующего Сухопутными силами.

Хотя о назначении Петрова на должность командующего войсками, частично обороняющими границу с Китаем, Советы никогда официально не сообщали, его фамилия появилась в печати в качестве автора статьи о

военной службе в Дальневосточном и Забайкальском военных округах (там же, 9 марта 1979 г.) Поскольку в тех случаях, когда подобного рода статьи касаются одного военного округа, их подписывает командующий округом, подпись Петрова под статьей указывала на то, что он командует обоими этими округами. Назначение его на границу с Китаем подтвердилось после избрания его депутатом Верховного Совета в Иркутске ("Депутаты Верховного Совета", девятый созыв", Москва, издательство "Советов депутатов трудящихся СССР", 1979 г. стр.349).

Назначение Говорова на должность командующего войсками на китайской границе было в конце концов Советами подтверждено (см. "XXУ1 съезд Коммунистической партии Советского Союза: стенографический отчет", т.3, Москва, Политиздат, 1981, стр.332.)

(7) Фамилия Васягина под некрологом генерала Михалкина появилась на месте, обычно отводимом для заместителя командующего Сухопутными силами ("Красная звезда", 12 дек. 1980 г.) Под некрологом генерала С.А.Андрюшенко его фамилия следует после фамилии Павловского, что, видимо, является указанием на его назначение военным консультантом при министре обороны (там же, 18 дек. 1980 г.).

(8) "Красная звезда", 29 дек. 1978 г. Насколько мне известно, это единственный случай, когда фамилия Брежнева открыто фигурировала в информации о военных назначениях.

(9) Там же, 5 февр. 1981 г. Эта статья интересна не только тем, что Грушевой упоминает в ней, что он работал вместе с отцом Брежнева, но еще и тем, что Грушевой пишет о готовности Брежнева прощать ошибки.

(10) Вслед за назначением Устинова в апреле 1976 г. в течение года сменились командующие в шести из 20 военных округов и группах войск. В числе получивших тогда повышение были Зайцев, Петров и В.А.Беликов.

(11) Попков не присутствовал на партконференции Сухопутных сил, вместо него там выступал его заместитель по политчасти (там же, 27 дек. 1980 г.). Первое упоминание о его вступлении в новую должность появилось в отчете о партконференции Киевского военного округа (там же, 15 янв. 1981 г.).

(12) "Красная звезда", 14 дек. 1980 г. Среди советских военных округов и групп войск советская военная группировка в Восточной Германии находится на особом положении в том плане, что ее возглавляет не просто "командующий", а "главнокомандующий". Этот пост послужил ступенькой в продвижении по служебной лестнице для таких военных деятелей, как маршалы Гречко и Куликов.

Последний раз в качестве начальника Политуправления Группы советских войск в Германии Медников появился на партконференции, где был подвергнут серьезной критике (там же, 16 янв. 1981 г.). Однако сообщение о его переводе в Прибалтийский военный округ появилось в "Красной звезде" только 17 марта 1981 г. Губин в первый раз объявился в Восточной Германии на собрании в честь дружбы с восточногерманской Народной армией. (там же, 20 февр. 1981 г.). Перевод же Медникова состоялся вскоре или сразу же после первой партконференции. "Коммунист вооруженных сил" (Москва, № 4, февраль 1981, стр.95) указывает, что основной доклад на совещании военного совета заместитель Медникова сделал в январе. Этот номер журнала был подписан к

печати 1 февраля, таким образом, перевод Медникова состоялся, должно быть, между 16 и 31 января.

(13) Впервые корреспонденты были проинформированы об этом в последнюю неделю ноября (23-30 ноября 1980 г.). 27 ноября "Нью-Йорк Таймс" сообщила, что "официальные лица заявили, что советские войска провели маневры на границе с Польшей и что бронетанковые средства были заправлены бензином и находятся в состоянии повышенной, по сравнению с обычной, боевой готовности". Однако в это же время пресс-секретарь Государственного департамента США указал: "У нас нет оснований полагать, что советские войска готовы выступить немедленно".

(14) "Правда", 17 ноября 1980 г.

(15) Впервые о том, что Брежнев имеет ранг верховного главнокомандующего, упомянул в "Военном вестнике" Г.В.Средни. (№ 10, 1977, стр. 10), занимавший в то время пост первого заместителя Главного политуправления.

(16) Некролог генерала Н.Н.Алексеева.

(17) Речь идет о Н.И.Савинкине и И.Д.Сербине, которые соответственно возглавляли отделы административных органов и оборонной промышленности. Ранее, в некрологе генерала М.Н.Чистякова, фамилия Савинкина стояла на обычном месте, которое она снова заняла в некрологе генерала Д.С.Леонова. См. "Красная звезда", 17 сент. 1980 г. и 14 янв. 1981 г.

(18) Там же, 16 ноября 1980 г.

(19) Сенатор Перси выехал в Москву под предлогом "личного приглашения" тогдашнего посла США Томаса Дж.Уотсона. Решение Брежнева принять его было неожиданным. Перси предупредили о нем всего за два часа ("Нью-Йорк Таймс", 27 ноября 1980 г.). На следующий день Перси встретился с министром обороны Устиновым и заявил ему: "Если, например, что-либо произойдет в Польше и будет применена сила, вряд ли можно будет рассчитывать на какие-либо крупные соглашения при жизни нынешнего поколения" ("Вашингтон стар", 28 ноября 1980 г.).

(20) Фактически же беспокойство Индии по поводу Афганистана нашло свое выражение на банкете в первый же день визита Брежнева (8 декабря). Президент Санджива Редди заявил о необходимости "незамедлительной" эвакуации советских войск, правда, без упоминания Афганистана. ("Вашингтон пост", 9 дек. 1980 г.). При подобного рода государственных визитах проводится тщательная дипломатическая подготовка. Таким образом, тактичное умолчание Редди, видимо, было оговорено заранее.

(21) Гречко неизменно утверждал, что Запад был вынужден добиваться разрядки в результате роста советской военной мощи. В противоположность ему, Брежнев в числе прочих факторов, склонивших реалистически мыслящих политиков Запада к принятию разрядки, военную мощь ставил не на первое место. Он, например, делал больший упор на эффективность программы мирного сосуществования, одобренной на 24-м съезде КПСС в 1971 г.

(22) "Красная звезда", 27 ноября 1980 г. Особенно примечательно то, что статья эта появилась сразу же после встречи Брежнева с Перси.

(23) Там же, 23 ноября 1980 г. Речь была произнесена на заседании по случаю 250-летия со дня рождения генералиссимуса А.Суворова. Генерал Козлов, бывший заместитель Куликова во время их совместной службы в Восточной Германии, был выдвинут на ключевой пост первого заместителя начальника Генштаба, когда начальником Генштаба стал Куликов, но после перевода Куликова на менее значительную должность в 1977 г. он не смог удержаться на этом посту. Козлов был единственным, кто не превозносил Брежнева в роли председателя Совета обороны в тот момент, когда это было важным элементом в создании культа личности Брежнева, и когда не Куликов, а Устинов был возвышен и назначен министром обороны.

(24) Эти подробности сообщил в интервью газете "Вашингтон стар" (15 июля 1979 г.) заместитель заведующего отделом международной информации ЦК Валентин Фалин.

(25) "... Наблюдатели пристально следят за тем, не появятся ли симптомы усиления фракции сторонников реформ в результате введения в Политбюро таких деятелей, как первый секретарь Гданьского обкома партии Тадеуш Фицбах и редактор еженедельника "Политика" Мечислав Раковский", писала "Вашингтон пост" 1 декабря 1980 года. Вместо них в Политбюро были включены два консервативных деятеля – Мечислав Мочар и Тадеуш Грабский. Фицбах вошел в состав Политбюро, но без права голоса, а Раковский вообще не был повышен. Каня замаскировал подлинный смысл этих перемещений, избавившись от четырех бывших сторонников Герека, которые, может быть, и были сторонниками жесткой линии, но скомпрометировали себя в глазах Советов.

(26) "Красная звезда", 4 декабря 1980 года.

(27) Вероятность того, что Павловский был смещен в первые дни декабря, а не после московской встречи на высшем уровне 5 декабря, подтверждается любопытной фигурой умолчания в советской прессе. При отъезде Устинова из Москвы в Бухарест в печати были перечислены фамилии провожавших его в аэропорту заместителей министра обороны, в том числе и фамилия Павловского. Когда же Устинов возвратился в Москву, фамилии встречавших его заместителей министра указаны не были. См. "Красную звезду" от 2 и 4 декабря 1980 г.

(28) О маневрах Кириленко в Польше см. примечание 1. О его поездке в Чехословакию сообщалось в "Правде" 23-25 окт. 1980 г.

(29) См. "Правду" от 12 дек. 1980 г. Стандартной формулой одобрения деятельности делегаций, возглавляемых Брежневым, является "целиком и полностью" – в резолюции же Политбюро об итогах московского совещания эти слова отсутствуют.

(30) "Красная звезда", 7 января 1981 г.

(31) Там же, 16 янв. 1981 г.

(32) См., например, генерал-майор А.Оверчук, "Партийное собрание", "Коммунист вооруженных сил", № 21, ноябрь 1976 г., стр.43-51.

(33) Из пяти советских военных групп – Группы советских войск в Германии и Центральной группы войск в Чехословакии – и округов – Прибалтийского, Белорусского и Прикарпатского, граничащих с Польшей, только в последнем не произошли перемещения командующего и/или начальника политуправления (новый начальник Политуправления был назначен в Прикарпатском военном округе в августе 1980 года).

То, что Прикарпатскому военному округу удалось избежать этой перетряски, как будто бы ставит под сомнение мою интерпретацию, согласно которой неразбериха, связанная с мобилизацией, дала в руки Брежневу предлог для устранения Павловского и остальных генералов. Именно в Прикарпатском округе произошёл неувязка и поэтому тот факт, что его командующий, генерал В.А.Беликов, сохранил за собой свой пост, может показаться противоречащим моим выводам.

Согласно одной из интерпретаций решений Политбюро, касающихся назначений на высшие военные должности, решающее значение имеют деловые качества того или иного генерала. Но можно дать и другое объяснение, а именно, что эти назначения диктуются политическими соображениями. Применимо это и к данному случаю.

Так же, как Петров и Зайцев, Беликов выдвинулся в 1976 году (см. прим. 12). и во время перетряски в декабре 1980 года, казалось, что и ему не удержаться на своей должности. Так же, как и два генерала, оказавшихся в проигрыше – Васягин и Медников – на партконференции, на которой Беликов должен был присутствовать в штабе округа, его представлял его заместитель. (См. "Красную звезду" от 26 дек. 1980 г.). Однако в случае с Беликовым "Красная звезда" 20 января 1981 г. безо всяких объяснений подчеркнуто дала понять, что Беликов сохранил свой пост. Больше того, вскоре в армейской пропаганде зазвучала приглушенная тема прощения ошибок военных кадров, возможно – хотя на эту тему можно спорить – в оправдание сохранения за Беликовым его поста.

Тема "прощения" всплыла в связи со статьями по случаю 100-летней годовщины со дня рождения маршала К.Е.Ворошилова. 4 февраля "Красная звезда" писала, что Ворошилов одно время примыкал к "военной оппозиции" и "подвергся резкой и справедливой критике... Глубоко осознав свои ошибки, Ворошилов сумел сделать правильные выводы из партийной критики и в дальнейшем активно боролся за осуществление ленинских указаний". 5 февраля маршал К.С.Москаленко упомянул в "Правде" о заблуждениях Ворошилова (не связывая их непосредственно с "военной оппозицией"), а друг Брежнева генерал К.С.Грушевой в "Красной звезде" вспомнил о том, как Брежнев умеет прощать кадрам их заблуждений.

О том, что "ошибки" и раскаяние Ворошилова имели не один только исторический интерес, а скорее всего, были извлечены на свет ради современных политических манипуляций, позволяет предположить то обстоятельство, что сданная в печать 22 декабря 1980 г. (т.е. до партийной конференции, на которой не присутствовал Беликов) написанная Москаленко биография покойного маршала ни одним словом не упоминает о его участии в военной оппозиции. (См. Москаленко "Маршал Советского Союза К.Е.Ворошилов", "Военно-исторический журнал, № 1, январь 1981, стр. 53-54.) В этой более ранней биографии Ворошилова можно встретить предостережения, касающиеся опасности "отрыва" военных от партийного руководства – так же, как и в двух статьях, появившихся на следующий день в "Красной звезде", в которых упоминалось о разногласиях между военными и партией. Таким образом, в декабре, когда позиция Беликова казалась непрочной, в прессе появились высказывания о разногласиях между армией и партией; после того,

как стало известно, что Беликов сохранил свой пост, стало проповедываться "прощение".

(34) "Красная звезда", 10 марта 1981 г. Ср. описание Епишевым советского солдата, как "патриота, интернационалиста, готового преодолеть любые трудности", с точкой зрения его заместителя ген. Г.В.Средина, который считал, что "изнеженность и расслабленность приносят вред" боеготовности. (там же, 21 янв. 1981 г.)

На то, что Епишев был причастен к поддержке интервенции в Польшу, указывает перемещение его фамилии вниз в списках лиц, чьи подписи стояли под некрологами. В некрологе Алексева фамилия Епишева значилась на обычном месте – третьей среди первых заместителей министра обороны – после Куликова и до С.Л.Соколова. 18 февраля 1981 г. фамилия Епишева стояла под некрологом бывшего министра авиационной промышленности после фамилий трех заместителей министра обороны; два других некролога он подписал после Соколова, последним из первых заместителей министра обороны. (там же, 10 фев. и 24 марта 1981 г.)

Являясь начальником Главного политуправления, Епишев нес ответственность за Васягина, отстраненного от дел, и Медникова, подвергшегося критике за плохую боеготовность войск в Восточной Германии. Могли Епишеву припомнить и "политические ошибки" Павловского.

(35) "Красная Звезда", 18 марта 1981 г.

(36) Там же, 19 марта 1981 г.

(37) Н.Огарков, "Охраняя мирный труд", "Коммунист", № 10, июль 1981, стр. 80-91. После назначения на должность начальника Генштаба в январе 1977 г. Огарков написал еще одну статью в "Коммунисте" № 7, май 1978. В этой статье он касался вопроса о внедрении новой техники в армии.

(38) "Красная звезда", 12 дек. 1980 г. В сообщении говорилось: "Через Польшу проходят транспортные пути и линии связи между Советским Союзом и ГДР. Польша расположена непосредственно за линией, разделяющей две различные военно-политические системы."

(39) Подобный визит описан там же 27 марта 1981 г. Корреспонденты "Красной звезды" являются офицерами Главного политуправления. Контакты между ними и польским Главным политуправлением, издающим "Жолнеж вольносни", упомянуты там же 14 марта 1981 г.

(40) Кириленко выступил с основным докладом по проблемам электрификации на совещании в Центральном Комитете в июне 1980 г. и в статье в журнале "Коммунист" (№ 12, август 1981 г., стр.3-16). Кириленко подчеркнул необходимость развития ядерной энергетики в Европейской части СССР и угледобычи в Экибастузе и Канске-Ачинске для развития энергетики в остальных районах. Его упоминание о газе ограничилось словами о том, что для разработки газовых месторождений необходимы специальные трубы большого диаметра, способные выдержать значительное давление, и что в Советском Союзе они не производятся. В том же номере "Коммуниста" сотрудник Госплана А.А. Лалаянц подчеркнул, что развитие электроэнергетики в Советском Союзе базируется целиком и полностью на "отечественном оборудовании...". Лалаянц также обсуждал возможность сокращения доли газа и мазута в производстве электроэнергии – в 1970 году эта доля достигала свыше 40 процентов. Строительство газопровода и обязательство поставлять

газ в Европу ничем не помогает решению проблем, за которые отвечает Кириленко, и может только затормозить его попытки добиться успеха.

(41) "Правда", 16 дек. 1980 г.

(42) Там же, 5 дек. 1980 г.

Уильям Г. Хейланд

КТО КОГО: БОРЬБА ЗА ВЛАСТЬ В КРЕМЛЕ

От редакции «Телекса». Эта статья была написана почти за год до смерти Л. Брежнева. Мы даем ее в качестве примера того, как западные советологи представляют себе механизм смены власти в закрытом тоталитарном обществе.

В числе прочих жертв затянувшейся брежневской эпохи было и пришедшее в упадок искусство кремленологии. При наличии, как казалось, достаточно стабильного советского руководства, специалисты по советским делам постепенно занялись другими, более многообещающими областями поведенческих наук, проблемами смены поколений, национальным вопросом, военной доктриной и т.д. Игра политических сил в Кремле все больше и больше предавалась в последнее время забвению.

Кончины двух крупных советских лидеров — Алексея Косыгина в декабре 1980 года и Михаила Суслова в январе 1982-го — явились более чем своевременным напоминанием не только о том, что отдельные личности являются важными элементами советской политики, но и о том, что существующая расстановка политических сил становится все более и более непрочной. И в самом деле, трудно представить себе советское руководство без Суслова, который, казалось, был бессменной фигурой и связующим звеном между сталинским и современным периодами. Своим присутствием он в определенной степени подтвердил законность наследования власти и Никитой Хрущевым, и Леонидом Брежневым. Без участия Косыгина и

William G. Hyland. Кто Кого in the Kremlin (Problems of Communism, January-February 1982).

Статья взята из журнала «Проблемы коммунизма» (январь-февраль 1982 г.), издаваемого в Вашингтоне правительственным Агентством международных связей.

Уильям Г. Хейланд — бывший сотрудник Совета по национальной безопасности при президенте США. Старший научный сотрудник Джорджтаунского Центра стратегических и международных исследований в Вашингтоне. Соавтор книги «Падение Хрущева», 1968.

Сулова процесс борьбы за наследство Брежнева неизбежно примет совсем иной характер. Кто заменит Сулова — не только номинально, но в качестве хранителя ортодоксии, кто станет верховным арбитром в спорах на высшем уровне? Как это повлияет на внутреннюю политику? Стала ли позиция Брежнева неожиданно более уязвимой?

Спекуляции, касающиеся политических деятелей в советской системе — дело трудное и зачастую бесполезное, а спекуляции, касающиеся связи между политическими деятелями и политическими проблемами, являются еще более рискованными. И все же западные правительства хотят знать: 1) кто будет править в СССР в 80-х годах и 2) какова будет советская политика?

Вопросы эти не такие уж поверхностные, как может показаться на первый взгляд. Кому-кому, а советологам хорошо известно о существовании "ревизионистской" исторической школы, рассматривающей развитие отношений между Востоком и Западом только как перечень упущенных возможностей. И хотя к ревизионистским теориям всегда относятся скептически, тем не менее, невозможно отрицать, что в определенные переломные моменты одна из сторон принимала критические решения, исходя из догадок о намерениях другой стороны*. Советологам не следовало бы упускать это из вида.

Нижеследующее представляет собой преднамеренно полуполемическое рассмотрение некоторых проблем, которых следует коснуться в этом контексте. Начнем с проблем советского руководства.

КРЕМЛЕВСКИЕ ДЕЯТЕЛИ

Марксисты заблуждаются. Личности с их индивидуальными качествами имеют значение. Они формируют историю. Не подлежит сомнению, что они сформировали и советскую историю.

К сожалению, западная советология подпала под влияние исследовательской школы, подсознательно усвоившей некоторые основные положения марксистского детерминизма. Эти исследователи утверждают, что в расчет следует принимать только систему. Система обладает собственной мощной инерцией и собственными закономерностями, институтами и динамикой. Со времени Сталина лидеры приходят и уходят;

кто находится у руля, не имеет значения — советская политика все равно будет той же самой.

Это вздор. Леонид Брежнев — не Никита Хрущев, а Хрущев не Иосиф Сталин. Немыслимо, например, чтобы Брежнев был в состоянии провести безжалостные кровавые чистки 30-х годов, даже если бы он располагал для этого необходимой властью и возможностями. Представим другую ситуацию: допустим, Хрущеву удалось бы предотвратить октябрьский переворот 1964 года и сохранить власть до конца своих дней. Как бы он реагировал на войну во Вьетнаме, чехословацкий кризис и "остполитик" ("восточную политику" Западной Германии)? Так же, как Брежнев? Пошел бы Хрущев на вторжение в Чехословакию накануне встречи с Линдоном Джонсоном? Или, предположим, что Брежнев не оправился бы после болезни в 1975 году. Одолел бы Андрей Кириленко своих соперников? Находились бы сейчас кубинские войска в Анголе или в Эфиопии? Был бы подписан договор об ограничении стратегических вооружений?

Верно, анализировать видных деятелей на расстоянии — искусство сомнительного свойства. Волей неволей анализ сводится к перечислению обстоятельств служебной карьеры. И выясняется, что имя рек "уцелевший деятель" потому, что он и в самом деле уцелел. А другой имя рек сформировался как деятель благодаря своему быстрому продвижению в период чисток, или в последние дни жизни Сталина, или при Хрущеве, или даже при Брежневе. Все это полезно знать, но этого мало. Для политических деятелей это вполне рутинные биографии.

Каждый из последних американских президентов задавался вопросом: "Что же из себя в действительности представляет Брежнев?". Накануне встречи на высшем уровне Никсон — Брежнев в 1972 году были перерыты горы доступных материалов и подготовлена внушительная папка-досье. Самым ценным в этой папке была, пожалуй, служебная записка Генри Киссинджера, который за месяц до этого в течение нескольких дней встречался с Брежневым в неофициальной обстановке. С тех пор множество официальных лиц имели дело с Брежневым, и он до известной степени перестал быть загадкой. Этого нельзя сказать об остальных советских лидерах.

В этом-то и зарыта собака. Советская система построена на секретности, одной из особенностей которой является

стремление укрыть многих официальных лиц от глаз некоммунистических наблюдателей. Многие ли дипломаты и другие наблюдатели имели возможность общаться в течение продолжительного времени, скажем, с Виктором Гришиным, который — не исключено — может стать будущим генеральным секретарем ЦК КПСС? Или с Кириленко? С Константином Черненко? А ведь наступит день, когда президент Рейган или его преемник наверняка задаст тот же самый вопрос: "Что представляет собой X?"

Все это я говорю к тому, что передачу власти необходимо анализировать и обсуждать в плане оценки ведущих деятелей, а не только социологических групп или институтов. Важно проводить различие между Гришиным и, скажем, Юрием Андроповым. Деятель, согласившийся руководить внушающей ужас и отвращение работой Комитета государственной безопасности (КГБ), должен обладать неординарными качествами. Представьте себе человека, который переходит из аппарата Центрального комитета в министерство иностранных дел, добивается ранга посла (в Венгрии, в 1954-57 гг.); затем возвращается в ЦК, после чего в 52-летнем возрасте становится председателем КГБ. С одной стороны, члены Политбюро должны были считать его достаточно управляемым и не представляющим потенциальной угрозы коллективному руководству; с другой, они, видимо, были уверены в его безжалостности — качестве, необходимом для выполнения страшной гебистской работы. Разумеется, что Андропов, если он станет генеральным секретарем ЦК КПСС, будет совсем иным лидером нежели Гришин, вся карьера которого прошла в Москве и ее окрестностях на экономической и партийной работе.

Помимо сугубо личных индивидуальных особенностей тех или иных деятелей нельзя упускать из виду и вопрос о взаимодействии между ними. Нет никакой гарантии, что несколько деятелей, оказавшихся в одной группировке по политическим соображениям, будут во всем автоматически поддерживать друг друга. Вместе с тем, с течением времени образуются и блоки и личные, дружески связи. Более того, даже при наличии взаимоотношений, построенных на деловом расчете, при принятии общих решений наблюдается определенная тенденция к взаимной личной поддержке. Так, например, нет ничего удивительного в том, что в тех случаях, когда Брежнев, Косыгин и Подгорный — занимавшие в течение определенного периода высшие партийные, государственные и правитель-

стенные посты — действовали заодно, это был мощный блок и мало кто решился бы бросить ему вызов.

Поэтому представляет определенный интерес то обстоятельство, что в последние годы Брежнев все более и более становился единоличным лидером, которого окружали уже не равнодушные партнеры, а дружки-приятели. Из числа активных членов Политбюро периода вторжения в Чехословакию в нынешнем брежневском Политбюро осталось всего несколько человек — сам Брежнев, Кириленко и Пельше. Можно лишь строить догадки, как это повлияло на его решения — скажем, в отношении Афганистана и польского кризиса.

ПОЛИТИКА БОРЬБЫ ЗА ВЛАСТЬ

Как бы там ни было, в настоящее время Брежнев возвышается над большинством своих коллег. Поистине, советская политическая история последних пяти лет фактически представляет собой рассказ о сосредоточении в руках Брежнева все большей и большей власти.

Брежнев приступил к действиям в 1977 году, направив свое внимание на два учреждения — секретариат ЦК КПСС и на президиум Верховного Совета СССР. В первую очередь в марте 1977 года он устранил из секретариата К.Ф.Катушева и заменил его одним из своих ближайших помощников — Константином Русаковым. Причины этого перемещения не так уж важны, важен конечный результат — на ключевой пост в аппарате ЦК, связанной с работой с иностранными компартиями, Брежнев посадил своего выдвигенца (и подготовил потенциальную замену руководителю международного отдела ЦК Борису Пономареву). В связи с этим представляет интерес и выдвигение Василия Кузнецова на должность первого заместителя председателя президиума Верховного Совета, в результате чего был до известной степени ослаблен аппарат министерства иностранных дел. На место Кузнецова был назначен первым заместителем министра иностранных дел несомненно способный Георгий Корниенко, не обладавший, однако, авторитетом Кузнецова. Еще один личный протеже Брежнева, Е.М.Тяжельников был переведен из руководителей комсомола в отдел пропаганды ЦК партии. И наиболее важная акция — Брежнев вытеснил своего давнишнего соратника Подгорного из кресла председателя Президиума Верховного Совета и сам занял пост главы государства. На первый взгляд, может показаться странным, зачем ему понадобился

этот, главным образом, церемониальный пост, но при ближайшем рассмотрении, этот шаг не был лишен смысла. Почему бы и не занять этот церемониальный пост, чтобы представлять одновременно и советское государство, и партию? А чтобы укрепить влияние Брежнева на внешнюю политику, начальник отдела печати МИДа Леонид Замятин был переведен на пост заведующего вновь созданного отдела международной информации Центрального Комитета партии. Постепенно этот отдел стал все больше и больше принимать на себя функции, обычно исполнявшиеся аппаратом министерства иностранных дел. И, наконец, Брежнев еще больше укрепил свою власть в аппарате ЦК, введя в состав кандидатов в члены Политбюро своего старинного приятеля Черненко.

Следующей мишенью был правительственный аппарат — Совет министров и сам его председатель Алексей Косыгин. В ноябре-декабре 1978 года Константин Мазуров был снят с поста первого заместителя председателя Совета министров и выведен из состава Политбюро, хотя на посту первого заместителя он находился свыше десяти лет. Очевидно, если учесть возраст и болезнь Косыгина, пост первого заместителя председателя Совета министров был ключевым и по этой причине назначение на него старого друга Брежнева — Николая Тихонова и его включение в члены Политбюро было еще одним знамением времени. Смысл этого назначения был еще более подчеркнут, когда Черненко в то же самое время стал членом Политбюро всего после 19 месяцев пребывания в кандидатах. Вскоре заболел Косыгин. И хотя он вновь появился на короткий срок, осенью 1980 года было объявлено о его выходе на пенсию, а заменил его, конечно же, Тихонов, ставший и полноправным членом Политбюро. Новым первым заместителем Тихонова стал еще один "подопечный" Брежнева из Днепропетровска — Иван Архипов. А в декабре 1980 года старый сподвижник Брежнева еще со времен его работы в Молдавии — Иван Бодюл — был назначен заместителем председателя Совета министров.

Таким образом, на протяжении трех лет брежневцы значительно укрепили свои позиции в секретариате, в Политбюро, в правительстве и в КГБ. Значение этого заключается не в том, что Брежнев решил пойти на этот шаг. Если помнить о том, что политика в Советском Союзе попрежнему и главным образом представляет собой борьбу за власть, его решение вполне понятно. Почему Брежнев не должен окру-

жать себя старыми и надежными друзьями, приятелями, "подопечными"? Учитывая судьбу Хрущева, это всего лишь обыкновенная предосторожность.

Значение такого развития событий скорее заключается в той степени, в какой оно усиливает вероятность жесточайшей борьбы на вершине власти после ухода Брежнева. В конце концов, зачем преемникам Брежнева оставаться в зависимости от кружка его старых политических друзей по Днепропетровску и Молдавии, даже если эти преемники одного с ним поля ягода?

Поэтому-то в результате всех этих перемещений наступил своего рода политический паралич. К примеру, на 26-м съезде КПСС в правящей верхушке не произошло совершенно никаких перемен. По-видимому, никто, кроме самого Брежнева не был готов к внесению даже мало-мальских перемен в расстановку политических сил из-за опасения, что может рухнуть вся структура. Замена любого руководящего лица по причине возраста могла поставить в повестку дня щекотливые политические вопросы.

При подобных обстоятельствах прогноз предвещает борьбу за власть между эпигонами Брежнева. Хотя брежневцы и удерживают ряд ключевых позиций, прочность их позиций является всего лишь предположительной, ибо она находится в зависимости от власти Брежнева. Выдвинув на ключевые посты своих подопечных, у которых — за исключением Черненко — нет своей собственной базы, Брежнев лишил их шанса на выживание в кровопролитной политической борьбе за наследование. При этом не следует забывать о том, как давно и очевидно заметил американский советолог Майрон Раш, что Брежнев продолжает оставаться доминирующей фигурой, способной произвести перестройку советской политической структуры и даже предпринять рискованные внешнеполитические эскапады в период предполагаемой политической стагнации.

ВЛАСТЬ И ПОЛИТИКА

Все это подводит нас к важнейшим проблемам. Какова будет внешняя и военная политика СССР (с учетом того, что за мантию Брежнева будет происходить борьба)?

Было бы соблазнительно в качестве аналогии привести два периода смены власти — в 1953-57 и в 1964-66 годах. В течение обоих этих периодов отмечалась тенденция к ослаб-

лению нажима во внешней политике и замена его примирительным курсом, пока происходила внутриполитическая стабилизация.

Ныне однако отсутствуют два фактора, которые прежде были в наличии. Во-первых, и в 50-х, и в 60-х годах наследники власти были моложе. Во-вторых, в обоих случаях наследники первоначально были заинтересованы в определенных внутриполитических переменах — в прекращении сталинского террора после 53-го года и в ликвидации разброда в партии — после 64-го.

В послебрежневском же Политбюро, как можно предположить, образуются фракции, более резко противостоящие одна другой: брежневцы, крепко окопавшиеся на своих позициях, но лишённые решающей власти своего патрона, несомненно будут стараться сохранить существующее статус-кво; кое-кто из старой гвардии — например, Андрей Громько или Дмитрий Устинов — будут попрежнему располагать властью и авторитетом и с ними придется считаться; и несколько аморфная группа молодых из секретариата и Политбюро, которая может попытаться организовать нажим на старую гвардию. Соблазнительной может показаться попытка ввести в эту ситуацию в качестве решающих факторов профессиональных военных и КГБ. Их влияние, при наличии групп с различными политическими интересами, и в самом деле может быть значительным, как это уже, видимо, было в прошлом, когда в политическую борьбу оказались вовлечёнными такие легендарные фигуры, как маршал Георгий Жуков.

Однако, тут есть моменты, внушающие известный скептицизм. Нынешний начальник генерального штаба советских вооружённых сил Николай Огарков не производит впечатления сколько-нибудь значительного политического актера, тем более нельзя этого сказать о главнокомандующем силами Варшавского договора маршале Викторе Куликове. Другое дело, конечно, КГБ — в силу своего политического статуса и своих технических возможностей — по поддержанию безопасности, транспортировке руководства и контролю за линиями коммуникаций. Тем не менее, перспектива угрозы силой со стороны КГБ представляется маловероятной. Помимо этого, видимо, продолжает существовать и старый антагонизм между профессиональными военными и КГБ.

Военные, конечно же, не согласятся легко и просто на сокращение вооружённых сил и военного бюджета, а КГБ,

надо полагать, будет сопротивляться любой либерализации внутри страны. Таким образом, военные и КГБ образуют две мощные силы, выступающие за сохранение существующего статус-кво. В то же время, они, по всей вероятности, станут и политическими мишенями. Новый генеральный секретарь ЦК рано или поздно захочет установить свой контроль над КГБ и Генштабом. Опыт Брежнева в данном отношении является показательным.

Несмотря на сильную склонность к проведению консервативной политики новые лидеры будут испытывать давление в пользу реформ. К такому выводу склоняются многие посторонние наблюдатели, по мнению которых ситуация объективно требует нововведений, особенно в области экономики.

Главные вопросы, однако, остаются открытыми. Кто, конкретно, возглавляет борьбу за нововведения? Разумеется, не деятели старшего поколения, устроившиеся с комфортом и рассчитывающие таким образом дожить свой век. Не Генштаб и не КГБ. Видимо, и не аппарат ЦК. Тогда кто же? Может быть, партийные секретари на периферии — в Ленинграде, Киеве, других городах. А может случиться и так, что повторится старая схема. То есть, некий крупный деятель, возможно, вступит в борьбу с одной программой — почти наверняка консервативной — а потом, устранив соперников и упрочив свое положение, он, возможно, примет иную, более эффективную и реалистическую программу. Но опять-таки подобные рассуждения не подкрепляются конкретными именами и лицами.

Одна из причин в силу которой имена и лица приобретают столь важное значение, заключается в том, что среди руководителей Советского Союза очень мало людей, компетентных во внешней политике. Большинство советских руководителей ограничиваются вопросами внутренней политики. Даже Брежнев, который до антихрущевского переворота занимал пост главы государства, не принимал в то время участия в осуществлении советской глобальной политики. Этой областью ведал главным образом Косыгин, и Брежнев стал вторгаться в нее постепенно. Однако, взяв в свои руки бразды правления советской внешней политикой в начале 70-х годов Брежнев занял в этой области доминирующее положение — в такой степени, что ни у кого другого не оказалось значительного опыта. За исключением Громыко, компетентными людьми во внешнеполитических делах являются лишь сотрудники секретариата ЦК, занимающиеся зарубежными компартиями. В

этом плане образование нового отдела, во главе которого стоит Замятин, имеет определенное значение.

Если Громько уцелеет, он будет единственным крупным прагматиком во внешнеполитическом ведомстве, но стратегическую линию все равно будет вырабатывать генеральный секретарь. Вспомним борьбу 1953-57 годов между неофитом Хрущевым и старым профессионалом Вячеславом Молотовым.

По мнению западных наблюдателей, критическими являются два момента: 1) будет ли продолжаться наращивание советских вооруженных сил, и 2) будет ли советская внешняя политика носить агрессивный характер или же она станет умеренной.

КТО КОГО?

В заключение хочу повторить основной тезис. Видный советолог Джерри Ф. Хьюг не так давно писал:

"...даже если бы на Западе стало известно, кто станет следующим генеральным секретарем, эта информация не была бы особенно полезной. В политбюро брежневского периода нет почти ни одной фигуры, в отношении позиции которой в советском политическом спектре западные эксперты придерживались бы единодушного мнения...

Самое полезное, что можно сделать заранее для понимания процесса передачи власти, это проанализировать проблемы и наиболее вероятные варианты – как "нормальные", так и "патологические".

Подобный подход, как мне кажется, означает самоотстранение от проблемы. Настойчивость, которую не раз продемонстрировал сам Хьюг, может способствовать значительно большему пониманию роли борьбы за власть в советской политической жизни.

Это не сводится только лишь к вопросу анализа смены поколений. Скорее вопрос сводится к выявлению основных действующих лиц и их позиций по основным политическим вопросам. Хотя ради справедливости стоит признать, что предыдущие достижения кремленологов являются незавидными, основные правила игры в Кремле остаются в силе. Советская политика в своей основе продолжает оставаться борьбой за власть. И нет абсолютно никаких оснований предполагать, что она перестанет быть таковой в будущем. Нам, следовательно, остается идентифицировать игроков и их политическую линию.
